

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 52 ДЕКАБРЬ 1982

1922–1982

ГИМН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Текст С. МИХАЛКОВА и Г. ЭЛЬ-РЕГИСТАНА.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведет!

ПОД ЛЕНИНСКИМ ЗНАМЕНЕМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ

С чувством патриотической гордости за успехи многонациональной Родины собрались 21 декабря в Кремлевском Дворце съездов участники совместного торжественного заседания Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященного 60-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. В зале — члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, ветераны партии, передовики юбилейного социалистического соревнования, деятели науки, литературы и искусства, воины Советских Вооруженных Сил, представители общественных организаций, зарубежные гости.

11 часов утра. Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, участники торжественного заседания встречают товарищей **Ю. В. Андропова, Г. А. Алиева, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, Т. Я. Киселева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.**

Вместе с ними в президиуме — тепло встреченные собравшимися главы делегаций социалистических стран товарищи Т. Живков, Я. Кадар, Ле Зуан, Э. Хонеккер, Ли Ден Ок, Р. Кастро, К. Фомвихан, Ю. Цеденбал, В. Ярузельский, Н. Чаушеску, Г. Гусак, Л. Колишевский, руководители делегаций братских партий товарищи Б. Кармаль, А. Н. Мухаммед, Хенг Самрин, Х. Флоракис, Й. Енсен, Г. Холл, Г. Уинстон, Г. Мис, Р. Хэлверсон, Ф. Мури, Р. Арисменди, Л. Корвалан, Р. Рао, Х. Багдаш, Й. Каяноя, М. О'Риордан, Р. Урбани, Х. Шмитт, Ф.Варрад, М. Вильнер, А. Фава, Х. Виейра, М. Мабида, Э. Папаиоанну, И. Билен, А. Нзо и другие.

Здесь же Президент Финляндской Республики М. Койвисто, руководители делегаций социал-демократических и социалистических партий, революционно-демократических партий, национально-освободительных движений и международных организаций. На торжества прибыли 134 зарубежные делегации из 112 стран.

В президиуме — ветераны ленинской партии, участники I Всесоюзного съезда Советов, передовики промышленности и сельского хозяйства, видные деятели науки и культуры, советские военачальники.

Вступительной речью совместное торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ **К. У. Черненко.** Он, в частности, сказал:

— Ленинская национальная политика пробудила великие силы созидания во всех уголках нашей Родины. Социалистическая дорога к всестороннему экономическому росту была открыта и перед теми народами, где царский гнет, хозяйничанье капитала соседствовали с дремучими феодальными, а то и родовыми отношениями.

Слово для доклада «Шестьдесят лет СССР» предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу **Ю. В. Андропову.**

Участники торжественного заседания и зарубежные гости встречают товарища Ю. В. Андропова овацией. Он, в частности, сказал:

— Путь, пройденный Советским Союзом за 60 лет,— это целая эпоха. История, пожалуй, не знает столь стремительного взлета от состояния отсталости, бедствий и разрухи к могуществу современной великой державы с высочайшим уровнем культуры и постоянно растущим благосостоянием народа.

...Реальные качественные изменения, произошедшие за 60 лет в национальных отношениях, свидетельствуют о том, что нацио-

См. стр. 4—5.

СССР

60

ЛЕТ

Москва, Кремлевский Дворец съездов. 21 декабря 1982 года. Совместное торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное 60-летию образования Союза Советских Социалистических Республик.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Москва, Красная площадь. 20 декабря 1982 года. Возложение венка к Мавзолею В. И. Ленина.

См. стр. 1

ПОД ЛЕНИНСКИМ ЗНАМЕНЕМ

нальный вопрос в том виде, в каком он был оставлен нам эксплуататорским строем, успешно решен, решен окончательно и бесповоротно. Впервые в истории многонациональный состав страны превратился из источника ее слабости в источник силы и процветания.

...За шесть десятилетий радикально изменилось положение Советского государства, неизмеримо возросли его авторитет и влияние. Плотная ткань мирного сотрудничества связывает Советский Союз со странами всех континентов. Его голос авторитетно звучит на международных форумах. Принципы мирного сосуществования — основа внешней политики СССР — получили широкое международное признание, включены в десятки международных документов, в том числе в Заключительный акт общеевропейского совещания в Хельсинки, предложения СССР легли в основу наиболее крупных решений ООН по вопросам упрочения мира и безопасности.

...Оглядываясь на путь, пройденный за 60 лет Союзом Советских Социалистических Республик, мы отчетливо видим, что все наши достижения и победы неразрывно связаны с деятельностью ленинской партии коммунистов. Именно партия была и остается той могучей творческой, мобилизующей силой, которая обеспечивает непрерывное движение вперед на всех направлениях общественного прогресса.

Доклад товарища Ю. В. Андропова, выслушанный с большим вниманием, неоднократно прерывался продолжительными аплодисментами.

Заключительные слова доклада участники заседания встречают стоя, бурной овацией.

Затем на торжественном заседании начались выступления и приветствия. Председательствовал член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ **Н. А. Тихонов.**

Перед участниками заседания выступили первый секретарь МГК КПСС товарищ **В. В. Гришин,** Председатель Совета Министров РСФСР товарищ **М. С. Соломенцев,** Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ товарищ **Т. Живков,** первый секретарь ЦК Компартии Украины товарищ **В. В. Щербицкий,** первый секретарь ЦК ВСРП товарищ **Я. Кадар,** первый секретарь Ленинградского обкома КПСС товарищ **Г. В. Романов,** Генеральный секретарь ЦК КПВ товарищ **Ле Зуан,** первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии товарищ **Т. Я. Киселев,** член КПСС с 1918 года, делегат Первого Всесоюзного съезда Советов товарищ **Ф. Д. Кретов.**

После перерыва председательствовал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ **М. С. Горбачев.**

На вечернем заседании выступили первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана товарищ **Ш. Р. Рашидов,** Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР товарищ **Э. Хонеккер,** первый секретарь ЦК Компартии Казахстана товарищ **Д. А. Кунаев,** член Президиума Политбюро ЦК ТПК, Премьер Административного совета КНДР товарищ **Ли Ден Ок,** первый секретарь ЦК Компартии Грузии товарищ **Э. А. Шеварднадзе,** член Политбюро, второй секретарь ЦК Компартии Кубы, первый заместитель Председателя Государственного совета и Совета Министров, министр Революционных вооруженных сил Республики Куба товарищ **Р. Кастро Рус,** пер-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (2893)

25 ДЕКАБРЯ 1982

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ К МАВЗОЛЕЮ В. И. ЛЕНИНА И МОГИЛЕ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

20 декабря Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, В. И. Долгих, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, секретари ЦК КПСС М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков посетили Мавзолей В. И. Ленина и возложили венок от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Минутой молчания они почтили память вождя мирового коммунистического движения, создателя первого в мире социалистического государства.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства возложили венок к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены и минутой молчания почтили память советских воинов, павших в борьбе с фашизмом за свободу Родины, за счастье и мир на планете.

Венки к Мавзолею В. И. Ленина и могиле Неизвестного солдата были возложены делегациями Москвы, союзных республик, а также ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, других общественных организаций.

ДРУЖБЫ НАРОДОВ

вый секретарь ЦК Компартии Литвы товарищ **П. П. Гришкявичус.**

Участников торжественного заседания приветствовали представители славной советской молодежи — комсомольцы и пионеры города Москвы и всех союзных республик.

22 декабря на утреннем заседании председательствовал член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР товарищ **Д. Ф. Устинов.**

Перед участниками торжественного заседания выступили первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана товарищ **К. М. Багиров,** Генеральный секретарь ЦК НРПЛ, Председатель Совета Министров ЛНДР товарищ **К. Фомвихан,** первый секретарь ЦК Компартии Молдавии товарищ **С. К. Гроссу,** Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР товарищ **Ю. Цеденбал,** первый секретарь ЦК Компартии Латвии товарищ **А. Э. Восс,** Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР товарищ **В. Ярузельский,** первый секретарь ЦК Компартии Киргизии товарищ **Т. У. Усубалиев,** Генеральный секретарь РКП, Президент СРР товарищ **Н. Чаушеску,** первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана товарищ **Р. Н. Набиев,** Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР товарищ **Г. Гусак,** первый секретарь ЦК Компартии Армении товарищ **К. С. Демирчян,** член Президиума СФРЮ, член ЦК СКЮ товарищ **Л. Колишевский.**

После перерыва на заседании председательствовал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ **К. У. Черненко.**

Перед участниками торжественного заседания выступили первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана товарищ **М. Г. Гапуров,** Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного совета ДРА товарищ **Б. Кармаль,** первый секретарь ЦК Компартии Эстонии товарищ **К. Г. Вайно,** Президент Финляндской Республики **М. Койвисто,** Генеральный секретарь ЦК ЙСП, Председатель Президиума Верховного Народного совета, премьер-министр НДРЙ товарищ **А. Н. Мухаммед,** Генеральный секретарь ЦК НРПК, Председатель Государственного совета НРК товарищ **Хенг Самрин,** член Политбюро партии Фронт национального освобождения, премьер-министр АНДР товарищ **М. Б. Абдельгани.**

Участников торжественного заседания приветствовали воины Вооруженных Сил СССР.

Со словами сердечного приветствия от имени всех воинов Советской Армии и Флота к участникам торжественного заседания обратился командир танковой дивизии генерал-майор **В. А. Копылов.**

Участники торжественного заседания единодушно приняли Обращение «К парламентам, правительствам, политическим партиям и народам мира». Горячими аплодисментами присутствующие выразили одобрение этого важного документа, направленного на укрепление дружбы, мира и сотрудничества между народами.

Торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное 60-летию образования Союза Советских Социалистических Республик, объявляется закрытым. Все встают. Под сводами Кремлевского Дворца съездов звучит величественная мелодия Гимна Советского Союза.

ПРИЕМ В КРЕМЛЕ

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, правительство СССР 22 декабря устроили в Кремле прием по случаю 60-летия образования СССР.

На приеме были члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС.

Присутствовали участники торжественного заседания — члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, ветераны партии, знатные люди труда, видные деятели науки и культуры, военачальники, представители дипломатического корпуса.

В зале были партийно-государственные делегации социалистических стран, делегации коммунистических, рабочих и революционно-демократических партий, национально - освободительных движений и международных организаций, другие зарубежные гости.

На приеме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов.

С ответным словом выступил Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак.

Сергей **МИХАЛКОВ**,
Герой Социалистического Труда

ЕДИНЫЙ, МОГУ

В эти дни вспоминаются слова одного из добрых друзей советской культуры — американского писателя Теодора Драйзера: «Я особенно благодарен советской революции за то, что она впервые остро поставила в мировом масштабе вопрос об имущих и неимущих. Советский Союз в 1917 году начал великий поход в защиту неимущих... Использовать труд, сельское хозяйство, промышленность, естественные богатства, технику, человеческие знания, власть человека над природой, использовать все это на благо всех трудящихся, для того, чтобы обеспечить всем зажиточную и культурную жизнь,— вот урок, который советская революция преподает остальному человечеству».

Их много, уроков, преподанных человечеству Великим Октябрем. И поистине поучительнейший среди них — создание Союза Советских Социалистических Республик. Это величайшее завоевание Октября по праву названо историческим. Год от года крепчал, набирал силы «Союз нерушимый республик свободных». Его лозунгом стали крылатые слова: время, вперед! Пусть быстрее утверждаются на земле нашей социалистическая мораль и нравственность, новые человеческие отношения, новый уклад, образ жизни. И пусть все это послужит благу человека. Он, Человек Страны Советов,— в центре внимания Коммунистической партии, ему посвящены помыслы, думы, тревоги, заботы партии. Да иначе и не может быть там, где партия и народ едины, где народ верит своей партии, сплочен вокруг нее. И когда на очередном ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС обсуждался проект Государственного плана и бюджета на 1983 год, Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов с полным основанием заявил: «...Проект плана подтверждает, что забота о советском человеке, об условиях его труда и быта, о его духовном развитии остается важнейшей программной установкой партии».

Реальность этой установки — в свершениях миллионов тружеников города и деревни, в непрестанном росте экономического могущества СССР, определившем успехи партии в осуществлении ее социальной программы — гуманнейшей из гуманных, человечнейшей из человечных. И тут я не могу удержаться от того, чтобы не дать слово статистике. На недавно состоявшейся сессии Верховного Совета СССР была оглашена цифра астрономическая: к началу 1983 года основные производственные фонды страны составят более 1,3 триллиона рублей. Известно, что итоги экономического развития страны в концентрированном виде отражаются в росте национального дохода. Так вот, в 1982 году его объем, использованный на потребление и накопление, составит 460 миллиардов рублей. Высот, поражающих весь мир, достигло развитие нашей многонациональной, всеохватывающей, гармоничной, яркой культуры, ставшей гордостью советского народа. Вдумайтесь вот в эти цифры:

За 1918—1981 годы среднее общее и специальное образование в нашей стране получили 93,3 миллиона человек. Всеми видами обучения охвачено ныне более ста миллионов человек.

У нас издается 8172 газеты, 5195 журналов и периодических изданий, в том числе 16 газет, 86 журналов, десятки альманахов выпускает Союз писателей СССР. За годы Советской власти вышло 3,3 миллиона названий книг и брошюр тиражом 56 миллиардов экземпляров.

В 1922 году 16,6 тысячи библиотек страны располагали 47 миллионами экземпляров книг. Ныне в СССР 132,4 тысячи массовых библиотек, их фонд составляют 1881,4 миллиона книг и журналов.

В стране 604 профессиональных театра. В них идет 2600 спектаклей на современные темы. Театры посещают свыше 20 миллионов зрителей в год.

...60 лет! С точки зрения истории человечества — одно мгновение. А каким широким шагом, плечом к плечу шагает по жизни любой народ, любая народность, составляющие Союз Советских Социалистических Республик.

Поистине гигантские творческие силы расковала Великая Октябрьская социалистическая революция. Они действуют во всех областях нашей жизни, и литература никогда не являлась здесь исключением. Уже в самой русской словесности революция и последующее образование СССР не только придали новую силу звучавшим и ранее голосам деятелей литературы, но и вызвали к жизни множество новых талантов. И сутью их творчества всегда оставалась судьба человека. Судьба человека, как позже будет назван известный рассказ Шолохова,— это пафос всех произведений мастеров многонациональной советской литературы. Возрастающая интенсивность обмена творческим опытом существенно помогает осознать общность идейных устремлений и творческих целей при всем своеобразии национально-культурных традиций и творческих индивидуальностей. Братский союз наций и народностей, населяющих нашу страну, все более крепнущая атмосфера благожелательного интереса их друг к другу привели к плодотворнейшему сотрудничеству различных культур, взаимно обогащающих одна другую. Мы свидетели своеобразного соревнования культур, в котором нет побежденных и все в выигрыше.

Все ощутимее проявляется процесс выравнивания эстетических уровней литератур автономных республик и областей. Сегодня уже с большим основанием можно применять к произведениям разных литератур единые критерии оценки. И здесь огромную определяющую роль играет русская литература с ее богатейшими традициями, величайшим опытом. Творчество ведущих русских авторов во многом помогает вырабатывать высочайшие художественные критерии.

«...На то и призванье поэта,— писал Гоголь,— чтобы из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде». Не убоимся вслед за Гоголем этих слов — «в очищенном и лучшем виде»! Речь идет, конечно же, не о каком-либо приукрашивании, а о художественной типизации, об освобождении черт, зорко подмеченных в жизни, от всего случайного, затмевающего их истинное значение, мешающего понять главный смысл происходящего.

За последнее десятилетие создано много талантливых, высокогражданственных художественных книг. Но время от времени дает себя знать, скажем, мелкотемье в поэзии. Оно чаще всего выражается в отходе от социального, классового взгляда на мир. В прозе все еще заметно увлечение бытописанием, назойливым фиксированием частных, бескрылых проявлений повседневной жизни. А между тем окружающее полно социальных страстей.

Современные проза, драматургия, поэзия связаны живыми нитями и с боевой публицистикой, с обжигающей проблематикой сегодняшней идеологической борьбы. Это привлекает огромное читательское внимание. В условиях обострения международной обстановки советские литераторы не могут стоять в стороне от активного претворения в жизнь ленинской стратегии мира, Программы мира, выдвинутой на последних съездах КПСС, они не могут стоять в стороне от борьбы с проникновением в наше общество чуждой, буржуазной идеологии.

Многонациональная советская литература призвана по-прежнему высоко держать знамя наших социалистических идеалов и пролетарского интернационализма. Читатель ждет книг, способных стать реальными помощниками партии в решении стоящих перед страной задач, книг, которые ярко и убедительно показывают роль коммунистов, всего советского народа в сплочении трудящихся разных национальностей и в строительстве коммунизма, книг, где дается решительный отпор лживой, изощренной буржуазной пропаганде, путаникам и фальсификаторам истории, всяческим националистическим вывихам, в какие бы одежды они ни рядились.

В Советской стране литература создается более чем на семидесяти языках населяющих ее народов, и все писатели дружно борются за претворение в жизнь идеалов нашего общества. Но каждый из писателей работает со своим читателем, он связан прежде всего с ним, связан, как корни с землей.

Одну из своих басен, написанных нынешней осенью, я так и назвал «Земля и корни»:

Осточертела молодому Клёну
Зависимость от собственных корней —
Чем выше к небу поднимал он крону,
Тем становились корни все сильней.
Клен жил и рос в плену самообмана.
За летом лето — месяцы текли.
И как-то ночью силой урагана
Он вырван был с корнями из земли...
Опору потеряв, пропал тот Клён зеленый.
Печально говорят о нем живые клёны,
Что тихо меж собой свой разговор ведут.
И в этом разговоре смысл глубокий:
Они недаром корни берегут —
И день и ночь по ним к ветвям бегут
Родной земли живительные соки.

Люди литературного труда должны знать, что волнует именно их читателей, с какими вопросами открывают они книги и как на эти вопросы отвечать.

Радуясь результатам научно-технической революции, мы на практике убеждаемся, что ныне решающее значение приобретают не только специальные познания человека-производственника, но и чисто гражданственные качества — с такими ценностями, как честность, чувство долга, интернационализм, ответственность. В их формировании литература призвана сыграть исключительную роль уже хотя бы потому, что может сопутствовать человеку с первых шагов его вхождения в большой мир, то есть с раннего детства.

Сознавая, что мир грядущего будет формироваться сердцем, умом и руками наших детей, мы, несомненно, хотели бы, чтобы им были переданы идеи, цели, идеалы и знания, необходимые для того, чтобы сделать этот мир более совершенным. Мы не имеем права ограничиваться лишь заботой о здоровье и материальном благосостоянии детей. Мы обязаны заниматься их общественным, культурным и психологическим развитием. В детях заложен весь потенциал человечества.

Истинная любовь к своему читателю требует не только активной, регулярной художнической работы. Она требует большего — ненависти к тем, кто попирает нашу мораль, советские законы, кто занимается очковтирательством, взяточничеством, хищением социалистической собственности; ненависти к тем, кто бездумно, а то и варварски относится к родной природе, к родной земле. Истинная любовь к своему читателю требует от нас не только слов, но и действий в защиту нравственного здоровья общества, в защиту мира на планете.

Практическая деятельность людей доброй воли должна стать гневным протестом против расизма, апартеида и геноцида, неумолимым приговором современным вандалам и убийцам — силам международной реакции, международного сионизма и международной агрессии. В огне развязанных этими силами военных конфликтов в разных точках земного шара, на глазах всего мира безнаказанно убивают тысячи беззащитных детей, а среди этих тысяч, может быть, будущих великих ученых, писателей и художников, певцов и танцоров, композиторов и музыкантов-виртуозов, которые, так и не успев проявить и развить свои дарования, погибают под бомбами и снарядами, под развалинами домов; их травят газами и расстреливают в упор в лагерях для беженцев.

А ведь именно они, эти дети, могли бы со временем прославить культуру, искусство своих народов!

Расширение масштабов и усложнение идеологической борьбы на международной арене определяют и ряд требований к организации современного литературного процесса, ибо литература есть одна из действующих форм идеологической борьбы, которая не может не учитывать всех последствий реализации своих возможностей в сфере чувства, мысли и знания.

Созданный волей народов... Произношу эти слова и, конечно же, вспоминаю время создания Гимна Советского Союза — этой торжественной песни, выражающей идею нашей государственности. Гордость за свою непобедимую социалистическую Родину, преданность ленинской партии чья мудрость вела и ведет наш народ к торжеству коммунизма, уверенность в будущем и готовность отдать все свои силы в борьбе за это будущее — вот что мы с Габриэлем Эль-Регистаном стремились выразить каждой строкой Гимна. Мы условились тогда,

ЧИЙ...

что в тексте Гимна должна найти отражение роль русского народа, который не только вел за собой все народы в период Великой Октябрьской социалистической революции, который не только оказал огромную братскую помощь другим народам в ходе социалистического строительства, но которому принадлежала решающая роль также и в Великой Отечественной войне. Сказать обо всем этом надо было в сочетании с историей русского народа. Мы долго искали лаконичное, емкое выражение, пока нашли слова «Великая Русь». Это понятие собирательное, в котором есть и элементы сегодняшнего дня, но за этим понятием стоит огромная, славная история русского народа.

Сегодня, в год 60-летия образования СССР, хочется напомнить, что слова Гимна

> «Да здравствует созданный волей народов
> Единый, могучий Советский Союз!»

говорят о добровольности этого союза и его единстве, которые и дают ему силу.

Социалистический и буржуазный — эти два полярных уклада жизни на планете, два отношения к личности, к гуманистическим ценностям — представляют собой те реальные обстоятельства, которые определяют пути развития культуры в современном мире. И вполне закономерно, что, празднуя 60-летие образования нашего многонационального государства, писатели, как и все деятели советской культуры, думают о том, что еще предстоит сделать. Совершенно очевидно, что советская литература должна умножить свои усилия, содействуя единству материального и духовного производства нашего общества с учетом диалектической их взаимосвязи. Это означает прежде всего, что мастера литературы должны еще тоньше, еще полнее учитывать высокую степень социально-политического развития страны, рост требовательности народа к уровню своего духовного потребления, а стало быть, и к уровню, к идейно-нравственному богатству литературных произведений. Культурное развитие личности ныне стало непременным и обязательным условием роста производительности общественного труда.

Но я не хотел бы упрощать вопроса. Помимо производительности общественного труда, этого решающего фактора прогресса, есть еще духовный облик народа, всесторонне, гармонически развитая личность, а это ценность величайшая сама по себе, и воссоздание ее — цель социалистической революции и коммунистического строительства.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

Наша страна прожила знаменательный год — год 60-летия образования СССР, невиданного прежде в истории государства братства и дружбы народов. В самом начале года «Огонек» отвел один из номеров красочному рассказу о нашей стране. Потом вышли номера, посвященные жизни каждой из пятнадцати союзных республик, Ленинграду и Москве.

Как самых дорогих гостей, приехавших на славный юбилей Страны Советов,— на торжественное заседание в Кремлевский Дворец съездов, встретила наша столица и депутатов Верховного Совета СССР. О пятнадцати из них — представителях всех союзных республик — рассказывает сегодняшний номер журнала. Их жизнь, их судьбы — яркое свидетельство нерушимого братства и дружбы народов нашей Родины, торжества ленинской национальной политики, преимуществ советского образа жизни и социалистической демократии.

Групповая фотография депутатов помещена на развороте цветной вкладки. На снимке: (нижний ряд) — А. Меликова — оператор по добыче нефти и газа управления «Лениннефть» (Азербайджанская ССР), Л. Г. Чкония — солистка Государственного тбилисского театра оперы и балета, народная артистка СССР (Грузинская ССР), К. Асанбаев — старший чабан совхоза имени Боконбаева (Киргизская ССР), М. Додобаева — председатель профкома Ленинабадского шелкового комбината (Таджикская ССР), Д. В. Кубицкайте — учительница Румшишкской средней школы (Литовская ССР); (средний ряд) — О. К. Ионку — главный врач Распопенской сельской больницы (Молдавская ССР), Н. Т. Петренко — бригадир штукатуров Бобруйского СУ № 27 (Белорусская ССР), Д. Юсупов — председатель колхоза имени Карла Маркса Самаркандской области (Узбекская ССР), А. К. Малмейстер — президент Академии наук Латвийской ССР, В. И. Оданец — колхозница колхоза «Прогресс» Полтавской области (Украинская ССР); (верхний ряд) — Э. К. Корстен — зоотехник-бригадир фермы колхоза «Кунгла» Йыгеваского района (Эстонская ССР), А. Чарыев — начальник «Главкаракумстроя» (Туркменская ССР), Н. П. Зайцев — вальцовщик Кузнецкого металлургического комбината Кемеровской области (РСФСР), С. К. Токумтаев — бригадир комплексной бригады шахты имени Горбачева производственного объединения «Карагандауголь» (Казахская ССР), А. М. Мирзоян — слесарь-сборщик ереванского производственного объединения «Армэлектромаш» (Армянская ССР).

ТОГДА, В 1922-М...

Виталий ЗАСЕЕВ

Только что отгремел бой. Под натиском хорошо вооруженного противника обескровленные части Красной Армии вынуждены были отступить за стремительную Березину, предварительно заминировав единственный мост. И вот, когда казалось, что опасность внезапной неприятельской переправы миновала, командир взрывников понял: осколком мины из строя выведен огнепроводный шнур. Теперь спасти положение мог только смельчак-доброволец, которому необходимо среди бела дня, прямо на глазах у наступающего врага подобраться к оборванному шнуру... Первым вызвался рядовой Михаил Росляков.

...Еще три метра позади, еще метр. Михаил наконец отыскивает конец шнура, лезет в карман за спичками. И в тот же миг острая боль пронзает все тело. Земля, медленно покачиваясь, поплыла перед глазами. ...Открыв глаза и взглянув на мост, он понял, что какое-то время был без сознания. С противоположного берега уже бежало несколько десятков неприятельских солдат. Стреляя на ходу, они что-то кричали. Первая спичка, как назло, сломалась и с шипением упала на землю. Другая и вовсе оказалась без серной головки. Третья вспыхнула, но тут же погасла, сбитая упругой струйкой земли, выброшенной изпод вонзившейся в нескольких сантиметрах от ладони вражеской пули. Михаил нашел в себе силы усмехнуться, когда желтый язычок наконец-то с шипением побежал по направлению к капсуле-детонатору. А еще через миг тяжело и гулко ухнул взрыв, и стальной мост ушел в воду.

Обо всем этом Михаил Росляков узнал много позже, когда очнулся в походном госпитале.

...Я пришел в гости к Михаилу Васильевичу, чтобы услышать его рассказ, делегата исторического первого съезда Советов СССР, утвердившего Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В тоненькой папке, которую протянул мне хозяин дома, оказалось несколько пожелтевших газетных вырезок да с десяток переснятых фотографий.

— Все остальное уничтожено временем,— извиняющимся голосом сказал Михаил Васильевич.

...Старый, пожелтевший снимок. Кое-где потерся и облупился глянец, выцвели и стали еле заметными надписи, сделанные фиолетовыми чернилами. Но лица людей — открытые, мужественные, уверенные в правоте свершаемого — время пощадило.

Михаил Васильевич вооружается очками и с нескрываемым любопытством, будто впервые разглядывая снимок, говорит:

— Это и есть наша делегация на тот знаменательный первый съезд Советов Союза ССР. И не удивляйтесь, пожалуйста, что видите меня среди новгородцев. Я ведь в то время был заместителем председателя Новгородского губисполкома.

Семеро сидящих в первом ряду и пятеро вытянувшихся по струночке во втором, кто сосредоточенно, кто задумчиво, смотрят в объектив неизвестного фотографа.

— Попробуйте среди них отыскать своего нового знакомого,— полушутя-полусерьезно предлагает Михаил Васильевич.

Глядя на 85-летнего собеседника, неимоверно трудно отыскать его среди тех, кто моложе на целых шестьдесят лет. И все же я рискую.

— Крайний слева в первом ряду, не так ли?

Михаил Васильевич, не глядя на снимок, отрицательно качает головой.

— Нет, это Андрей Ярков, председатель Новгородского уездного исполкома. Скромный, трудолюбивый, отзывчивый человек, преданный делу революции до мозга костей...

— Ну, что ж, тогда попробую действовать методом исключения,— говорю я.— Рядом с Ярковым в высоких сапогах и черном френче, с орденом на лацкане явно не вы.

— Верно. Это наш Петр Пожарский — заведующий губернским отделом народного образования. Светлая личность, думающий организатор да к тому же человек невиданной смелости и самообладания. Окончив кавалерийское училище, он мужественно сражался в гражданскую. Одним из первых в стране был награжден орденом Боевого Красного Знамени, которым, как вы знаете, награждают за особую храбрость при непосредственной боевой деятельности. Но когда мы просили Петра Николаевича рассказать о боевых операциях, он всегда отнекивался. Говорил, что надо его не о войне расспрашивать, а о будущем нашего народного образования.

— Третий слева и вовсе на вас не похож, Михаил Васильевич,— констатирую я.

— Непохож. Павел Лещинский — душа нашего коллектива, талантливый партийный работник, секретарь Новгородского губкома РКП (б). Он умел поднимать людей не только словом, но и личным участием в самых трудных делах. А какой это был веселый человек в минуты отдыха! Он и пел хорошо и на гитаре прекрасно играл. Когда мы ехали в Москву на съезд, Павел Донатович захватил с собой инструмент, и мы всю дорогу распевали наши любимые песни. И у всех в эти минуты было такое ощущение, что поднимаемся мы все выше и выше, к вершине, где торжествуют свобода и солнце. Знали бы вы, как мы гордились нашей Родиной, как рвались в бой за новое будущее!

После этого я добровольно расписываюсь в том, что являюсь никудышным физиономистом, и прошу Михаила Васильевича хотя бы в нескольких словах рассказать об остальных его товарищах.

— В центре сидящих — председатель Новгородского губисполкома Сергей Фомич Луковский,— продолжает Михаил Васильевич.— В прошлом питерский рабочий высокой квалификации, честный, принципиальный, он никогда не боялся постоять за правду. Рядом с ним Василий Пакун — губпродкомиссар. Пакун редко сидел на месте, чаще любил ездить по деревням, агитировать крестьян за Советскую власть, и, надо сказать, это здорово у него получалось. А все потому, что, сам в прошлом батрак, он говорил с трудовым крестьянством на одном языке, и люди понимали его. Второй справа — Иван Фокич Антюхин, председатель Новгородского губсовнархоза. Как видите, он единственный в нашей делегации, кто позволял себе носить галстук. В недавнем прошлом рабочий телефонного завода, Антюхин благодаря своим способностям и трудолюбию после установления Советской власти был командирован учиться за границу. Так, как умел он «впитывать» и перенимать все полезное для своей страны, мало кто мог.

— Теперь я знаю, где на снимке Росляков,— говорю я хозяину дома.— Во втором ряду, в центре.

Лицо Михаила Васильевича светлеет. Он с минуту разглядывает себя на фотографии и сообщает доверительно:

— Этот френчик я справил себе еще до революции. А когда собрался в Москву, жена подлатала мне его, отутюжила, и, как видите, оказался я одетым не хуже других. Верно, пуговица в последний, перед съемкой момент оторвалась, и пришлось мне прикрыть ее рукой, на манер задумавшегося поэта.— Он невесело усмехается.— Сегодня я единственный из них, оставшийся в живых. Вот почему не хочу ни одного дня пропускать в нынешней своей работе. Молодежь должна как можно больше знать о тех, кто вместе с Лениным делал революцию, на кого опирался Ильич в борьбе за власть Советов.

Росляков бережно укладывает снимок в конверт, проверяет, не погнулись ли края, и продолжает:

— Хорошо помню, на исходе года Москва встретила нас ослепительно ярким снегом и морозом. Не раздумывая, мы отправились в центр на своих двоих. И так как я сравнительно часто бывал в Москве, а многие из прибывших оказались здесь впервые, то мне, естественно, пришлось выполнять роль гида. За разговорами мы незаметно добрались до Большого театра. Оттуда прямиком в гостиницу, находившуюся по соседству с Колонным залом. Отлично помню, что кроватей тогда на всех нас не хватило, и многие делегаты спали на матрацах прямо на полу. Одеяла тоже достались не всем, но никто не жаловался, не роптал. Мы укрывались полушубками и пропахшими войной шинелями, а настроение было празднично-приподнятым. Всем тогда не терпелось увидеть Ленина, который должен был выступать на предшествовавшем первому съезду Советов СССР X Всероссийском съезде. И хотя его открытие, первоначально намеченное на 20 декабря, откладывалось, мы не унывали. Оказавшееся свободным время решили использовать для посещения наркоматов. В беседах с работниками центрального аппарата мы пополняли свои знания. Это было необходимо, так как никто из нас не имел настоящего опыта в работе по государственному строительству и управлению страной.

Во время этих встреч мы узнали, что задержка с открытием X Всероссийского съезда объясняется болезнью Ленина. Все помнили, как мужественно перенес он августовское покушение в 1918 году, как быстро поправился и снова взялся за титаническую работу. Каждый успокаивал себя тем, что врачи быстро помогут ему справиться с недугом. Но когда вечером 23 декабря в Большом театре начал свою работу X Всероссийский съезд Советов и мы не увидели в президиуме Ленина, многие из нас забеспокоились по-настоящему.

Председательствующий на съезде Михаил Иванович Калинин после приветствия Янсона, представителя только что освобожденного от белых банд и японцев Дальнего Востока, хотел уже было дать слово докладчику, как из зала раздались голоса делегатов: «Привет товарищу Ленину от имени съезда». Михаил Иванович, мне показалось, не расслышал этого. Тогда кто-то из соседнего ряда поднялся на ноги и, сложив рупором ладони, громко, на весь зал, пробасил: «Привет товарищу Ленину от имени съезда». И зал тотчас же разразился аплодисментами. Потом все, не сговариваясь, поднялись и запели «Интернационал». Я впервые в жизни слышал, чтобы более двух тысяч человек без дирижера так величаво пели гимн пролетариев. Затем Кали-

М. Божий. Род. 1911. МАЙ. 1981—1982.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

М. Данциг. Род. 1930. ОТЧИЗНА МОЯ. 1982.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

«ОГОНЕК» БЛАГОДАРИТ

Редакция «Огонька» благодарит авторов журнала, принявших участие в подготовке материалов, посвященных 60-летию СССР, партийные, советские организации всех союзных республик, оказавших содействие нашим корреспондентам в их работе над очерками, репортажами, фоторепортажами о великом братстве советских народов.

Мы выражаем особую признательность авторам публицистических статей в номерах, посвященных СССР, союзным республикам, Москве и Ленинграду: Герою Социалистического Труда, секретарю правления Союза писателей СССР Вадиму **Кожевникову**, Герою Социалистического Труда, председателю правления Союза писателей РСФСР Сергею **Михалкову**, дважды Герою Социалистического Труда, полеводу колхоза «Заветы Ленина» Курганской области Терентию **Мальцеву**, секретарю правления СП СССР Виталию **Коротичу** (Украина), члену правления СП Белоруссии Геннадию **Буравкину**, первому секретарю правления СП Узбекистана Сарвару **Азимову**, секретарю правления СП Казахстана, председателю Госкино Казахской ССР Олжасу **Сулейменову**, народному артисту СССР, министру культуры Грузинской ССР Отару **Тактакишвили**, Герою Социалистического Труда, председателю правления СП Азербайджана Мирзе **Ибрагимову**, писателю Витаутасу **Бубнису** (Литва), бригадиру литейного цеха Кишиневского тракторного завода, депутату Верховного Совета Молдавской ССР Ивану **Морарю**, народному писателю Латвии Арвиду **Григулису**, Герою Социалистического Труда, секретарю правления СП СССР Чингизу **Айтматову** (Киргизия), президенту Академии наук Таджикской ССР академику Мухамеду **Асимову**, члену правления СП СССР Сильве **Капутикян** (Армения), писателю Рахиму **Эсенову** (Туркмения), писателю Антсу **Саару** (Эстония), Герою Социалистического Труда, секретарю правления СП СССР Михаилу **Алексееву**, секретарю правления Ленинградской писательской организации Ивану **Виноградову**.

нин сообщил залу, что врачи рекомендовали Ленину постельный режим и что президиум предлагает от имени съезда послать ему телеграмму с выражением надежды на скорейшее выздоровление. Только после этого съезд приступил к рассмотрению вопросов повестки дня. Мне не хочется вдаваться в протокольные подробности работы X съезда. Скажу только, что среди многих выступлений особенно запомнилась мне речь Михаила Васильевича Фрунзе. Фрунзе передал привет от рабочих и селян Украины, сообщив, что на своем VII Всеукраинском съезде Советов они единогласно постановили о необходимости немедленного образования Союза Советских Социалистических Республик. И хотя времени с той поры минуло много, до сего дня могу на память повторить сказанные Фрунзе слова: «Созданием нашего Союза мы закладываем первый фундамент будущего государственного объединения, охватывающего все народы мира».

Через два дня после окончания работы X Всероссийского съезда Советов, ровно в полдень 30 декабря, начал работу I Всесоюзный съезд Советов. Это был субботний день. На улице было многолюдно. Запомнилось мне, как в кавказской черкеске шел по заснеженной Москве на съезд делегат Грузии молодой вихрастый джигит в высокой папахе и черных сапогах, и все москвичи оборачивались на него.

...До сих пор в ушах звучит ровный, чуть глуховатый голос старейшего коммуниста ленинской гвардии, Петра Гермогеновича Смидовича, открывшего заседание съезда. «В этой новой ступени объединения советских республик,— говорил Смидович, обращаясь в зал,— источник новых громадных сил сопротивления и созидания,— непонятный и страшный для капиталистического мира, но радостно изумляющий и привлекающий рабочих всех стран. И громкий призыв его к рабочему классу каждой страны не может остаться без мощного ответа...» Верите, невозможно и сегодня без волнения вспоминать ту атмосферу, которая царила в зале после этих слов. Все встали и дружно запели «Интернационал». Потом Авель Сафронович Енукидзе внес предложение избрать почетным председателем съезда Владимира Ильича Ленина. И зал с еще большей силой разразился аплодисментами. В искреннем, почти стихийном порыве все делегаты поднялись, и отовсюду послышались громкие слова: «Да здравствует вождь мирового пролетариата товарищ Ленин!»

Потом по предложению Фрунзе председателем Первого съезда был избран Михаил Иванович Калинин. Затем в деловой атмосфере съезд рассмотрел и утвердил исторические документы — Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Согласно Договору, Российская Федерация, Украина, Белоруссия и Федерация закавказских республик на добровольных и равноправных началах были объединены в единое союзное государство.

— На том же съезде,— продолжает хозяин дома,— произошло еще одно радостное событие в моей жизни. Я впервые увидел Сергея Мироновича Кирова. Тогда ему было тридцать шесть лет. Небольшого роста, подвижный и увлеченный идеей создания Союза ССР, он говорил настолько образно и пламенно, что многие делегаты почувствовали, что перед ними выступает по-настоящему талантливый и крупный организатор. Слушая Кирова, я еще тогда не знал, что наши пути сойдутся в Ленинграде и мне доведется работать под его руководством несколько счастливых лет.

Михаил Васильевич для чего-то надевает очки и тут же снимает их. Мне передается его волнение — волнение человека, ставшего свидетелем эпохального события, определившего на века курс развития истории человеческого общества. А он, помолчав и как бы подведя черту под нашу беседу, берет газету и заключает:

— Прошло шестьдесят лет с той незабываемой поры. И сегодня в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» мы, старые большевики, с великой гордостью читаем о том, что: «Уверенный в своих силах, полный оптимизма советский народ идет по пути, начертанному партией Ленина. Нет сомнения, что определенные XXVI съездом КПСС задачи коммунистического созидания будут успешно решены. Залог тому — нерушимая сплоченность народов СССР, их дружная совместная работа во имя этой великой цели».

Михаил Васильевич Росляков.
Фото автора.

Делегация новгородцев на первый съезд Советов Союза ССР.
Во втором ряду, четвертый слева — М. В. Росляков.

ДЕПУТАТСКИЙ ДЕНЬ

Сталевар Н. Зайцев. Фото В. Бузуева

...Он отдыхал после ночной смены, и, когда в квартире раздался телефонный звонок, трубку подняла дочка. Внимательно слушала, глаза становились удивленными и встревоженными.

— Папа, тебя какая-то женщина спрашивает. Она плачет...

Николай Прохорович подошел к телефону. Взволнованный женский голос он сразу узнал. И смутился, услышав слова, обращенные к нему:

— Большое вам спасибо. Спасибо большое, по-человечески...

— Значит, все решилось?

— Решилось, решилось. Спасибо.

После этого разговора, короткого и неожиданного, Николай Прохорович Зайцев, депутат Верховного Совета СССР, долго не мог заснуть. Вспоминал длинную историю, которая закончилась вот этим благодарным звонком.

К нему обращаются многие избиратели. С просьбами, жалобами, предложениями. Ни от одной из них нельзя отмахнуться, во всех он старается разобраться как можно внимательней. Но иногда попадают такие, которые требуют немедленных и самых активных действий. Вот и письмо этой женщины, прикованной тяжелым недугом к постели. Внучку, которая за ней ухаживала целых семь лет, не прописывали с правом получения жилья. И формально были правы. Но ведь есть ситуации чрезвычайные, есть еще и человеческие отношения. Николай Прохорович побывал на квартире, прошел с десяток, наверное, инстанций, но своего добился. Внучку прописали. И сейчас, снова все вспоминая после неожиданного телефонного звонка, он испытывал радость, что в больном человеке поддержал веру в добро и справедливость.

А время бежало, и уже надо было торопиться в горисполком. Сегодня его депутатский день. Сегодня снова придут к нему люди, избиратели. В приемные дни приходит от пятнадцати до двадцати человек. Сначала он думал, что ему не справиться со всем этим наплывом больших и маленьких дел. Но справился — помог большой жизненный опыт. Может показаться, что звучит это слишком напыщенно, если учесть, что Николаю Прохоровичу сорок с небольшим. Но ведь жизненный опыт измеряется не только тем, сколько прожил, но и как прожил. «В шестнадцать лет паспорт выдали и тут же пропуск на завод,— вспоминает он.— С тех пор всё на КМК, Кузнецком металлургическом. Только на время службы в армии отлучался». В таком завидном постоянстве, наверное, сказался пример отца. Прохор Евдокимович Зайцев, кавалер ордена Ленина, проработал на комбинате машинистом локомотива почти сорок лет. По наследству, видимо, Кузнецкий металлургический стал родным домом и для сына.

Спокойствием веет от человека, встречающего людей доброй, располагающей улыбкой. И это спокойствие передается им. Такой всегда постарается внимательно выслушать, дать дельный совет, помочь. Но этот же человек может говорить резким, отрывистым голосом, и тогда черты его лица становятся резкими, словно застывают. Именно так он и встретил очередного посетителя. Тот жаловался, что директор уволил его из-за личной неприязни. Николай Прохорович разобрался и выяснил, что увольнение было сделано по всем правилам, и причина тут одна — неравнодушие к зеленому змию.

— Ты что же это? — сурово спрашивает Николай Прохорович.— Что же это ты, братец?

«Братец» растерянно хлопает глазами, слушая совсем неприятные для себя слова.

В Верховном Совете СССР Николай Зайцев является членом комиссии по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. Для Новокузнецка, и в частности для КМК, вопрос охраны окружающей среды является очень важным. Большая концентрация производственных мощностей на небольшой площади имеет свои отрицательные стороны. И Николай Прохорович, когда писал отчет после проведенной по заданию комиссии проверки, ничего не утаивал, не пытался сгладить, приукрасить. Комбинат находится сейчас в трудном положении — многое нужно реконструировать, многое просто устарело. И об этом тоже следует сказать, чтобы в комиссии лучше поняли те трудности, которые испытывает сейчас прославленный коллектив. И поэтому каждая победа вдвойне становится приятной. Не так давно на ТЭЦ, которая в сутки сжигала огромное количество угля, пришел природный газ. Большой столб дыма, ежедневно уставленный в небо, исчез.

Несколько минут ходьбы от проходной, и вот он уже у невысокой двери, что ведет в сортопрокатный цех — один из самых главных на заводе. Мелкосортный прокат — самый трудоемкий и самый дефицитный. Продукция, изготовленная здесь — лемеха к плугам, проволока, рельсы,— пользуется огромным спросом.

Зайцев партгрупорг. Вот уже больше десяти лет. И как партгрупорг может гордиться: коллектив цеха — один из лучших на заводе. На нынешний год брали обязательство выдать сверх плана тысячу тонн проката, а выдали уже шесть тысяч тонн. И рекорды нынче ставили.

На своем рабочем месте Николай Прохорович чувствует себя спокойно, уверенно, а рядом, в нескольких шагах, озаряется алыми вспышками, пышет жаром и искрами раскаленный металл. И так будет продолжаться до самого конца смены: обжигающий жар металла, грохот и гул механизмов, запах окалины. Потом, после смены, даже городской гул покажется тишиной.

...За окном автобуса, на котором мы возвращались с Николаем Прохоровичем с завода, падали сухие снежинки, предвещая скорые снегопады и морозы. Николай Прохорович устало смотрел в окно и тер рукой подбородок.

— Уставать, конечно, устаю,— словно самому себе вслух проговорил он.— А дело сделаешь, и усталость проходит, и настроение хорошее.

М. ЩУКИН

г. Новокузнецк, РСФСР

Предвыборных встреч было несколько. Нина Петренко рассказывала на них биографию и, рассказав, всякий раз ворчала на себя: опять плохо вышло, сухо, одни почти что анкетные данные. Почему-то не получались рассказы об отце, о бригадире Савицком, о конфликте в пионерском лагере... А так хотелось, чтоб получились!

Рассказ об отце помог бы понять, почему она выбрала профессию строителя. Теперь Тарас Васильевич уже не берет топор в руки — стар. А слыл знатным плотником. Если строили артелью, Тараса всегда «сажали» на углы — от углового плотника больше всего зависит, ладно ли лягут венцы сруба, крепкий ли получится дом. Нина помнит, как ловко отец тесал бревна, словно играл топором. Перед войной срубил хорошую хату. Ушел на фронт. Немцы, когда пытались покорить Белоруссию, сожгли Тарасову хату. Он вернулся и, чтоб доказать, что плотник сильнее поджигателя, поставил новый дом. Вошли в него отец, мать, пятеро их детей, и Нина как-то по-особому поняла место человека в жизни,— человека, умеющего строить.

А бригадир Савицкий... Она уже стала штукатуром, поработала в Осиповичском районе, переехала в Бобруйск и попала к нему в бригаду. В прежней бригаде она себя не нашла, не нравилось ей главное: пассивные там были люди. У Савицкого все кипело. Без конца искали, как лучше; помогали друг другу; безразличия к делу не терпели. Все шло от него, от Савицкого. Тут она поняла еще одну истину: строитель оставляет после себя долгую память, и если он равнодушный человек, память будет холодная, как плохо сделанный дом.

Евгения Федоровича Савицкого выдвинули начальником участка. Бригаду разделили на две, в одну из них назначили бригадиром Нину Тарасовну. Она благодарила и благодарит судьбу за то, что довелось пройти школу Савицкого. Бригадирство теперь не страшило ее, наоборот, хотелось доказать, что тоже сумеет больше, чем умела до сих пор.

Ну, а тот случай на строительстве пионерского лагеря?.. Рядом с ними, штукатурами, поставили других строителей. И те усердствовали больше в безделье и даже бравировали своей способностью праздно проводить трудовой день. Нина Тарасовна вмешалась. «Не лезь! — ответили на ее замечание разозленные лодыри.— Своих воспитывай, а мы не нуждаемся». Вышел крупный и неприятный разговор. Кончилось тем, что ее поблагодарили за принципиальность, а тех, кто советовал ей «не лезть», наказали.

Все это пригодилось ей потом в депутатской деятельности.

...Как-то вернулась из Москвы, с сессии Верховного Совета СССР. Из двадцать второго треста, с которым их тринадцатый соревнуется, позвонили: «Нина Тарасовна, выступила бы у нас, рассказала о сессии». Она выступила. Поделилась впечатлениями, а следом стала выкладывать свои мысли насчет общих забот.

— Нас, депутатов, учат ко всему по-государственному подходить. Так вот, давайте советоваться, как нам дело в строительстве поправлять. На сессии опять нашу отрасль критиковали. Думать есть над чем.

Говорили долго, приводили факты, спорили. По горячим, что называется, следам Нина Тарасовна пошла к руководителям треста, потом советовалась с начальником своего, 27-го управления Федором Спиридоновичем Ивановым, затем пришла к председателю горисполкома Александру Ефимовичу Стельмаху. Картина на здешних стройках одинаковая: планируют в строительстве все время зигзагами — то включат что-то в план, то исключат, потому что финансирования нет, либо документация не готова; то начнут сразу несколько объектов, то все заморозят.

Горисполком по просьбе Петренко подключил к обстоятельному изучению проблемы постоянную депутатскую комиссию, те попросили принять участие специалистов из своего актива. Когда подготовили убедительный материал, в городском Совете народных депутатов собрали руководителей трестов, пригласили секретарей парткомов, экономистов, опытных бригадиров, прорабов, мастеров, рабочих, попросили присутствовать руководителей предприятий — заказчиков... Высказали все, что наболело.

В бригаде Нину Тарасовну, конечно, тут же стали расспрашивать: чем кончилось, какие выводы, скоро ли обозначатся сдвиги?

— Сдвиги уже намечаются. Могу сказать конкретно: в начале 83-го нам предстоит отделывать новый цех на «Бобруйскдереве». Так вот нам сообщили, что уже подводят в корпус тепло, чтоб мы могли развернуться. Ну, а что касается вопросов, которые в городе не решишь, особенно по усовершенствованию всей системы планирования, буду выступать на пленуме обкома партии и в Верховном Совете свои мысли и соображения изложу, когда в Москву поеду.

А. ЩЕРБАКОВ

г. Бобруйск,
Белорусская ССР

Нина Петренко со своей бригадой.

ЗАБОТЫ НИНЫ ПЕТРЕНКО

Фото М. Савина

Этот «Дом одежды» построен по наказу избирателей.

Когда надо помочь животноводам. Рядом с дояркой Т. Левченковой — В. Оданец.

Фото Н. Козловского

КЛАД ДЛЯ ВСЕХ

Ей тридцать лет, дочери — двенадцать. Ростом дочь уже почти догнала маму, и когда они рядом — кажутся сестрами. Некоторые удивляются:

— Валентина Ивановна, вы же сами, как студентка...— Случается, что и добавляют при этом: — Наверное, жизнь была легкая.

Как судить... Ее никогда не снедала черная зависть, не подтачивало болезненное тщеславие — в этом отношении жизнь была действительно легкой. Но люди, когда говорят о легкой жизни, часто имеют в виду другое — легкую, необязательную работу. И тут они ошибаются.

— Сколько помню себя,— говорит Валентина Ивановна,— столько живет во мне «надо».

Ее родители — такие же колхозники. А в селе уже не первый десяток лет стало законом: каждой женщине отводят для обработки два гектара свеклы, каждому мужчине — гектар. И никаких исключений: счетовод это или учительница, или свинарка.

— Раньше свеклу как выращивали? — вспоминает Валентина Ивановна.— Кроме всяких рядовых да гнездовых, у нас еще один был — букетный способ. После сплошного посева протянут по молодым всходам борону в двух направлениях, и станет поле похожим на решетку. Это называлось букетированием. Каждый зеленый квадратик — «букет». А в нем и сорняк, уже набравший силу, и всходы свеклы как белые ниточки с зелеными ушками. Чтобы проредить их, прополоть — ползали от «букета» до «букета» на коленках. Радикулитный это был способ, если судить объективно. Не помню, уже ходила я в школу или еще нет... Нам с братом мама надевала на ноги рукава от старой стеганки, чтобы защитить коленки. И мы тоже ползали по полю.

Замуж она вышла рано, а в двадцать лет уже и второго ребенка родила. Трудно было, но Валентина все успевала, находила и удовольствие в домашних хлопотах и ведь в колхозе хорошо работала: заведовала сельским клубом, была санитаркой в больнице. Правда, муж, Николай Яковлевич,— он работает трактористом,— никогда не делил домашние хлопоты на «твои» и «мои». Все, что надо,— в четыре руки. А потом и дети подрастать стали. Теперь уже они помогают ей обрабатывать

Валентина Ивановна пришла к ребятам в детский сад.

«урок по свекле». Правда, нет больше «букетов», сеют аккуратно. Нагибаться над рядком нет нужды. Прополкой заняты гербициды. А урожаи выросли вдвое.

Несколько лет назад колхоз «Прогресс» начал, как говорят, быстро выбиваться в лучшие. Это совпало с началом безотвальной обработки почвы, которую стали активно внедрять по инициативе первого секретаря Полтавского обкома КП Украины Ф. Т. Моргуна. Тогда же, примерно с начала десятой пятилетки, начали планомерно заменять все дойное стадо чистопородными коровами, развернули большое строительство. Дела сельские взаимосвязаны. Стала молодежь оставаться в селе. (Сейчас, к примеру, средний возраст колхозных шоферов — 26 лет, трактористов — 34 года, доярок — 35 лет. Семьи помолодели. Если десяток лет назад в колхозе было 42 ребенка дошкольного возраста, то теперь — 172!)

И вот что произошло. Молодежь вся грамотная. Один трактористом, другой мотористом работает, доярка стала оператором машинного доения. А в хозяйстве еще во многих случаях и просто руки нужны. Было время, когда не хватало технически грамотных людей. Теперь нужны люди образованные и, главное, с совестливой хлеборобской душой.

Вот председатель колхоза Андрей Лукич Фесун и высмотрел молодую, жадную до работы женщину. Валентина Ивановна к тому времени и десятилетку окончила и специальные курсы в райцентре. А он предложил ей возглавить звено в полеводческой бригаде.

— Значит, хлеб выращиваете вы? — спросил я у нее.

Колхоз в этом не очень благополучном году получил в среднем со всей площади посева по 56,5 центнера пшеницы с гектара. Очень хотелось, чтобы в таком успехе была непосредственная заслуга и нашей героини — депутата Верховного Совета СССР Валентины Ивановны Оданец. Но она пожала плечами:

— А хлеб... персонально никто и не выращивает. Разве что Андрей Лукич или главный агроном. Хлеб — общий. Трактористы пашут и сеют. Кому наряд выпадет, на какое поле пошлют... Так и влагу закрывают и подкормку вносят.

— И вы, значит, со своим звеном к хлебу не касаетесь?

— Почему? Семена готовим, с ними работы хватает, удобрения тоже. А потом у нас свекла, картошка, огурец пойдет... Надо полоть, окучивать, прорывать. Как закрутишься с весны, поднимешь голову — солнце в зените, июль кончается. Надо зерно на току принимать, сушить, сортировать. А осенью вообще дел невпроворот.

Вот уже много лет подряд в самое трудное для животноводов время, когда завьюжит и заметет, Валентина Ивановна идет работать на ферму. Доярке надо дать отпуск — она принимает ее группу коров. Приходит из отпуска одна, уходит другая... Так два-три месяца в году Валентина Ивановна, как и некоторые женщины из ее звена, подменяет доярок. И каждая рада поручить своих подопечных ей, потому что для Оданец любая работа — самая важная, которую она делает не только старательно, но и с хорошим настроением.

Мы беседовали о ее депутатских делах, о хлопотах, связанных с обеспечением села новой техникой... С удовольствием вспоминала она, как всем миром сдавали районный Дворец культуры в Карловке. Такому зданию могли бы позавидовать многие областные театры... Зашел разговор о погоде. В нынешнем году осень на Украине была теплая, мягкая... Валентина Ивановна вдруг нашла весьма неожиданное продолжение темы:

— Вот видите, что значит безотвалка: на вспаханное поле можно машиной заехать. По такой хорошей осени на поле работай и работай.

Тут я не понял: что же еще можно делать на поле, если оно убрано и перепахано под весенний посев? Оказывается, многое: вносить жидкие удобрения, завозить органические, разбрасывать их. А снег упадет — тем более работа найдется. В общем, как я понял, чтобы откопать клад, надо сначала закопать его.

С. КАЛИНИЧЕВ

с. Липянка, Полтавской области,
Украинская ССР

Л. Чкония в роли Чио-Чио-Сан.

«А ГОЛОС ТАК ДИВНО ЗВУЧАЛ...»

Весной 1967 года музыкальную прессу мира облетела сенсационная новость: в конкурсе вокалистов памяти Миуры Томаки на лучшее исполнение партии Чио-Чио-Сан в опере Д. Пуччини первую и вторую премии получили советские певицы Мария Биешу и Ламара Чкония. Успех советской вокальной школы обрадовал.

Ламара Чкония спела арию Чио-Чио-Сан безупречно, вдохновенно, открыв целый мир человеческих переживаний, сложный, глубокий, тонкий. Сказывался в исполнении, конечно, известный опыт: Л. Чкония была уже лауреатом нескольких международных конкурсов и Всероссийского конкурса имени Глинки.

Целую галерею женских образов создала солистка Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили Ламара Чкония, она спела более сорока оперных партий, легко справляясь с любой из них, как бы сложны эти партии ни были, — профессиональная культура, музыкальность, драматическое дарование певицы очень высоки. Однако богатство личности художника зависит не только от таланта. Певица не замыкается в узких рамках оперной сцены, живет волнениями своего времени, жизнью своего народа — это стало неотъемлемой частью ее существования.

Активная позиция Ламары Чкония завоевала ей признание народа — певица избрана депутатом Верховного Совета СССР, участвует в работе комиссии по народному образованию и культуре Совета Национальностей.

— Ламара Григорьевна, как складывалась ваша артистическая судьба?

— Формирование мое как певицы началось в Киевском оперном театре. Я прожила в Киеве восемь лет, считаю его своей второй родиной. И нет слов, чтобы передать благодарность театру, в котором меня приняли так душевно, старались во всем помочь.

Петь любила с детства. Нет, «любила» — это не то слово: была просто потребность петь, мне это доставляло огромное удовольствие. И мои родители любили музыку, обладали хорошими голосами, хотя и не были профессиональными певцами. Часто вечерами мы всей семьей пели под гитару, чонгури, пандури.

Ну, а путь на оперную сцену был обычным — музыкальная школа, консерватория, Тбилисский оперный театр. Меня сразу выпустили на премьере «Даиси» З. Палиашвили в главной партии Маро. А в 1960 году пригласили в Киевский оперный театр.

Я стараюсь быть требовательной к себе и другим. Если вижу, что у коллег что-то не так, обязательно скажу. Считаю, что говорить о недостатках необходимо, — только тогда их можно искоренить. Нужно воспитывать себя! Требовательность должна быть первым качеством артиста, только так можно добиться высокого уровня искусства.

Как мать двоих детей, я понимаю заботы женщин — столько работы по дому, что почти не остается времени для досуга, самообразования. И считаю: можно еще многое сделать, чтобы улучшить быт женщин. Как депутат Верховного Совета от Аджарской АССР, я получаю много просьб — то садик не открывают, то ясли не строят, хотя они остронеобходимы, то школа нуждается в инвентаре или материалах, — и я всегда стараюсь помочь. Нужно отдать справедливость партийным организациям: когда я обращаюсь, они непременно помогают в решении всех вопросов.

— Общественная работа, театр, концертная деятельность — как вы успеваете справиться со всем и остаетесь при этом в прекрасной творческой форме?

— Успеваю. ...С мужем мне повезло — он берет все домашние заботы на себя. Он тоже артист, Морис Лекиашвили, танцовщик Тбилисского театра оперы и балета. Но живет не только своими радостями, но и моими заботами. Когда мне было трудно и я не верила в себя, Морис вселил в меня уверенность в свои силы. Я спокойно выступаю, если он рядом. А когда его нет, мне словно чего-то не хватает, волнуюсь, хотя и сама не могу объяснить почему. Нет, большое дело, коли муж — твой единомышленник, другого слова и не подберу.

Уже два года, как Ламара перешла на концертную деятельность. С концертмейстером Р. Трохман приготовила концертные программы — французской, немецкой, русской, итальянской музыки. Выступала с ними в Москве и Киеве. Уверена, что будет гастролировать и дальше: голос певицы звучит дивно...

Беседу вела Г. ГОГОТИШВИЛИ.

г. Тбилиси. Грузинская ССР.

Джаникул Юсупов.
Фото В. Сваричевского.

КОГДА СЕМЬЯ БОЛЬШАЯ

Когда Джаникул-ата идет по поселку, колхозные мальчишки и девчонки стараются незаметно окружить его, чтобы потом весело поприветствовать. Любят, уважают его, знают: много хлопот и забот у дяди Джаникула. Правда, им пока еще неведомо (об этом они узнают позже), что среди всех его забот есть одна, особо близкая ему, депутату Верховного Совета СССР: пусть детям всегда будет хорошо, мирно, светло, пусть растут они крепкими и здоровыми, образованными и трудолюбивыми.

Джаникул Юсупов вот уже тридцать шестой год председательствует в колхозе имени Карла Маркса Большевистского района Самаркандской области. Он мог бы удивить пап и мам окруживших его ребят рассказом о том, как в ветхом халатике и отцовских калошах на босу ногу ходил за три версты в глинобитный домишко, где располагалась первая в этой местности РКШ — районная коммунистическая школа. Бережно завернут в газету букварь (один на пятерых!), спрятанный под халат вместе с лепешкой (единственной на весь день!). А путь до школы был небезопасен: попадись такой школяр басмаческой шайке, налетавшей с гор кровавым вихрем на ближние кишлаки,— искромсают вместе с букварем! Но настал час, когда по кривой, пыльной улочке мимо их мазанки проскакал в ближние горы красноармейский отряд, и охватила Джаникула большая радость: наконец-то, дождались! И светлая зависть к русоволосым солдатам обожгла душу: «Мне бы такой шлем со звездой, шинель, сапоги и, конечно же, шашку!..»

— Помнится, скучным, неинтересным показался мне тогда дехканский труд, которым занималась из поколения в поколение наша семья,— рассказывал мне Джаникул-ата.— Прибавил себе возраста, ушел досрочно в Красную Армию. Не в кавалерию. Бери выше — в авиацию. На войне не раз вспоминал родное хлопковое поле. На аэродроме, бывало, когда закончу чистку пулеметов и пушек, уложу боезапас — возьму на ладонь комок земли, разотру и нюхаю, нюхаю... Для дехканина земля везде одинаково пахнет! Отцовской одеждой, материнскими руками, детской щекой... Однажды на Сандомирском направлении, когда я вот так размечтался о доме, на аэродром напала застрявшая в наших тылах немецкая воинская часть. Заняв круговую оборону, мы устроили этим «сорнякам» такой «сенокос» из ШКАСов, «дегтярей» и «максимов», что подошедшим нам на помощь танкистам делать было уже нечего... Получил медаль «За отвагу»...

Дети!.. Для Героя Социалистического Труда Джаникула Юсупова это, я бы сказал, и личная и государственная забота. Случилось так, что во время нашей беседы была доставлена депеша: «Правительственная. Уведомление телеграфом... Члену комиссии по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства Совета Национальностей тов. Юсупову Д. Прошу Вас прибыть участия заседании комиссии ЗПТ которое состоится тринадцатого ноября десять часов Москве ЗПТ здании проспект Калинина четыре ТЧК Председатель комиссии Лыкова».

— Есть о чем доложить на комиссии,— говорит мой собеседник.— Откуда появились у нас, скажем, четыре средние школы, три восьмилетние, четыре начальные? Или трое стационарных яслей по сто мест и девятнадцать сезонных? Или медицинское обслуживание всех профилей для всего населения? Конечно же, в основе — труд колхозников, помощь братских республик техникой, кадрами, научными рекомендациями. Начиналось наше хозяйство с четырех волов и трех бричек, урожайность хлопчатника едва достигала тринадцати центнеров. А ныне, в юбилейном году, несмотря на исключительно сложные погодные условия, с площади 2450 гектаров берем по 50 центнеров! Подарок к 60-летию СССР.

Джаникул-ата раскрыл свою заветную тетрадь: каждый из 9061 жителя колхозного поселка — в сфере внимания народного депутата. Тут и состав семей, и образовательный ценз, и квартирные проблемы. На учете и заработки (в среднем 160 рублей в месяц, трактористам — до 270).

Председатель усердно листает тетрадку и находит страницу со списком новорожденных.

— У нас двадцать пять матерей-героинь. Ежегодно население колхоза прибавляется на 150—180 человек. И надо, чтоб они выросли настоящими людьми. И, конечно, здоровыми. И чтобы матери могли трудиться в поле, на ферме...

— Как выполняются наказы ваших избирателей?

— В моем избирательном округе население в основном причастно к сельскому хозяйству. Семьи многодетные. И главный наказ избирателей связан с детьми — просили обеспечить детей яслями и детсадиками в периоды полевых работ, уборочной кампании. Так вот, на территории моего избирательного округа в последнее время оборудовали около ста сезонных яслей. Разумеется, в сфере нашего особого внимания школы. И тут еще много нерешенных задач. Очень медленно строятся школы. Образовался на территории избирательного округа новый район, Большевистский, ему передана несколько расширившаяся территория колхоза имени Карла Маркса. Решили построить там школу. Но дело идет медленно, да и качество работ оставляет желать лучшего. Ускорить строительство — это одна из моих нынешних насущных депутатских забот. Я-то хорошо знаю, что такое школа для сельских жителей. Я рос в семье, где было одиннадцать детей, и помню, как трудно приходилось маме, отцу, да и нам... О многих тогдашних трудностях сегодня мамы и папы знать не знают. Ныне более трехсот девушек и юношей нашего колхоза учатся в вузах Москвы, Ленинграда, Киева, Омска... Да разве такое возможно было, когда жили мы разобщенно, каждый народ сам по себе — наедине со своими бедами!.. И все же мы, депутаты, считаем, что нужно еще многое сделать для счастья мам и их детей.

Джаникул-ата вдруг озабоченно вздохнул и раздумчиво добавил:

— Помнится, моя мама в трудные минуты утешала себя народной поговоркой: «Когда семья большая, и на улице не боязно». А мне хотелось бы переиначить эти слова применительно к главному нашему завоеванию—советскому интернациональному содружеству народов-побратимов: «Когда большая семья сплочена единой целью, и с врагами разговаривать легче».

В. КОСТЫРЯ

Большевистский район,
Самаркандской области,
Узбекская ССР.

Двадцать восемь лет работает в сельской школе Дануте Вацловна Кубицкайте. Двадцать восемь... И когда я спросил у строгой, внимательной к собеседнику женщины, какие уроки — ее уроки детям — запомнились ей, то Дануте Вацловна сразу же, в самом начале разговора, внесла поправку:

— Учит не учитель. Учит жизнь, учит весь мир, окружающий человека. Какие из моих уроков? Об этом не мне судить, да и ответ на этот вопрос может прийти лишь однажды, в самом конце дороги... Я считаю, что вообще человек — система самообучающаяся. Разумеется, личность, почему-либо авторитетная, играет иногда определяющую роль, в том числе и личность школьного учителя. Но учителем жизни чаще становится мама. Или отец. Или даже младший из братьев... Родина в целом — прекрасный учитель! Мой муж работает историком в нашей школе, так его концепция как раз и состоит в том, что исторический путь, пройденный не только Литвой, но и нашей общей социалистической Родиной, сам собою есть наглядный урок. Учит семья, учит и Родина.

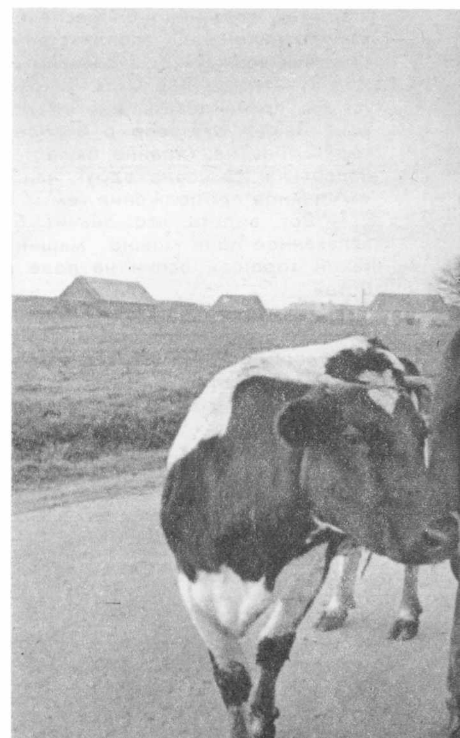
Уроки жизни... Первый из них — кровавая борьба за свободу, когда никто не хотел умирать. Но самые лучшие не жалели жизней ради жизни по правде. Дануте Вацловна родилась на берегу речки Правены — этот берег и теплые дома хуторов до сих пор в памяти. Только в памяти. Потому что деревенька Барейкишкю давно на дне Каунасского моря. К его волнам часто приезжает с ребятами учительница химии из села Румшишкеса, они подолгу стоят и молчат или, перебивая друг друга, говорят возле высоченной старой-старой липы. Липа осталась ей от детства. А еще — поля, не по-литовски обширные поля нового колхоза «Нерис». А еще впечатления детства о дружных, шумных людях со всех республик страны, рывших котлован, готовивших дно морю, построивших плотину. И ГЭС, давшую свет.

— Сами видите, это все были уроки, для меня,— замечает Дануте Вацловна.

Я спросил, есть ли у нее любимые ученики.

— Любимые, по-вашему, значит любимчики? Такого я сознанию не позволяю. Химию должны знать все. Жизнь, учу я, одна великая реакция, которая бурно или вовсе не заметно идет у всех у нас на глазах. Мы, люди, сами участвуем в фантастических преобразованиях жизни. О, жизнь проходит далеко не в лабораторных условиях!..

И об этом тоже нередко напоминает детям их учитель химии. А что касается любимых учеников,

ЛЮБИМЫЙ УЧИТЕЛЬ — ЖИЗНЬ

то Дануте Вацловна уточнила: сердцу не прикажешь, а сердце поневоле выделяло и выделяет тех, чье призвание — химия. Разве кто-то любит химию? В селе?

— Представьте себе! Для вас просто зеленый лист, а для меня чудо синтеза, микролаборатория, в которой солнечная энергия луча превращается в энергию жизни растительной клетки. И тут начинается земная сказка, какой не может быть ни на одной другой планете в Солнечной системе. И вот есть мальчики и девочки, которых подобные уроки живой окружающей их жизни увлекают на долгие годы.

Однажды подобный урок потряс Повилоса Клюкаса, худенького семиклассника, который рос без отца, среди еще четверых братьев и сестер, а теперь, много лет спустя, сам учит студентов в Болгарии. В Румшишкскую школу дети сходятся и съезжаются по утрам из многих окрестных поселков и деревень. Чем дальние ребята занимаются на автобусной остановке? Ну, конечно, озоруют, толкаются, кидают шишки, подобранные под соснами, или желуди, подобранные под дубами... Так ведут себя почти все. Но не все. И заметила Дануте Вацловна в давние годы, что тихая Онуте Друмстайте, которая жила за девять километров от Румшишкеса, обычно сторонилась шалостей, она перелистывала учебник. Какой? Случайно узнала — учебник химии. Учительнице не надо было лучшего подарка от жизни. Она исподволь стала помогать Онуте, и вскоре Онуте стала помогать ей в кабинете химии — там масса приборов, реактивов, колб, пробирок и реторт. Целый мир, загадочный для непосвященных. Учительница посвятила в него Онуте. Так проявилось в душе, а потом и в характере занятий девочки ее призвание, дочка пахаря стала химиком. Онуте Друмстайте (теперь по мужу Адоменене) побеждала на школьных олимпиадах в Вильнюсе, потом ее приняли в Вильнюсский государственный университет, была ленинским стипендиатом. И вот девочка, которая на танцы приходила с учебниками и справочником по химии, окончила университет с отличием, потом защитила диссертацию и теперь сама преподает в университете.

— Она не одна. У меня в кабинете десять, нет, кажется, поменьше, портретов наших учащихся, избравших химию профессией. Знаете, мне стало спокойнее посылать своих учеников на олимпиаду, там теперь в жюри наша Онуте!..

Ах, есть, есть любимчики у строгой «химички»...

Дануте Вацловна не считает, что в таком обороте дел, когда бывшие учащиеся выходят в люди и достигают определенных вершин, есть особая заслуга ее или ее коллег по сельской школе.

— Конечно, конечно, так тоже есть. Но главное — иной стала жизнь в Литве. Моей маме за восемьдесят пять, и она хорошо помнит все минувшие в этом веке войны. Литва... Традиционная тяга к чтению книг, преданность своему языку, национальным песням — это мир прекрасный. Но и ограниченный. Невелик был у большинства радиус кругозора — клочок земли, хутор. Хорошо, если были корова и свинья... Но моему сыну Гинтарасу, будущему химику-пищевику, а пока студенту, кажется, что такой, какая она есть, Литва была всегда. Доводов бабушки Ядвиги не хватает!..

Когда учительница химии едет в Москву на очередную сессию Верховного Совета СССР, то совет интерклуба «Красная гвоздика» их средней школы просит ее зайти к матери Бориса Еремеева, чье имя носит пионерский отряд 5-го класса. Борис — один из многих, кто погиб на земле Литвы, пал смертью героя в полях Кайшядорского района. Старенькая мама Бориса живет в Москве, ей пишут дети из Литвы, она уже несколько раз приезжала в Румшишкес, жила там зеленым летом, ходила на могилу сына. И другие матери и родственники, дети погибших солдат, уроженцев других республик нашей Родины, приезжают в мае в Кайшядорис, где в образцовом порядке, под неусыпным глазом местных ребят содержится кладбище героев Отечественной войны. Встречи возле вечного, живого огня Памяти — еще один урок. Смерть от фашистской пули не спрашивала, какой национальности солдат свободы...

И еще урок: однажды и бабушку Ядвигу, старенькую маму учительницы по химии, судьба заставила совершить грустное путешествие памяти в украинский Донбасс, где сразу после войны, после ударного восстановления шахт, трагически погиб под землей веселый ее сын — младший брат Дануте Вацловны. Так нередко кровью крепятся связи соотечественников, не знающих размежевания в общем деле созидания и добра.

Н. ШАТОВ

Кайшядорский район,
Литовская ССР.

Урок ведет Дануте Кубицкайте.

Фото Г. Стрельникова.

И такой иногда бывает встреча с избирателем.

ТВОРИТЬ ПО ОБРАЗУ ПРИРОДЫ

За два дня мне лишь полчаса удалось поговорить с президентом Академии наук Латвии, членом-корреспондентом АН СССР, Героем Социалистического Труда А. К. Малмейстером. С заседания ученого совета он спешил на сдачу жилого дома, потом в городской комитет партии, потом — в свою лабораторию Института механики полимеров... «Думаю, что вам не стоит ездить со мной...» — вежливый отказ.

— А завтра утром президент в Москву уезжает,— с сочувственной улыбкой говорит мне секретарь Малмейстера Яна и утешает:— Да вы не расстраивайтесь, по дороге в Москву в поезде и поговорите спокойно. Он только с виду такой строгий, а вообще-то он добрый, отзывчивый. По всем вопросам обращаются к нему и как к депутату, и как к президенту академии, и как к справедливому, внимательному ко всем человеку.

...И вот уже между бело-голубыми накрахмаленными занавесками вагона поезда Рига — Москва мелькают огни городских окраин, колеса стучат все короче, ровней.

— Добрый вечер, Александр Кристапович!

— А-а, проходите, проходите, сейчас чай будет.

Малмейстер начинает с того, что его больше всего волнует сейчас, сегодня,— с биомеханики, его науки.

— Ведь мы, как правило, умеем больше, чем знаем, и знаем больше, чем способны выразить словами или символами. Мальчуган играет в пинг-понг, не имея никакого представления о законах Ньютона, и не в состоянии, конечно, описать свои движения словами. А бедняжка робот, играющий, допустим, с мячиком, обязан уметь оценивать ситуации, представленные в символах для ввода в ЭВМ. Ему нужны программы действий, программа самообучения, включающая законы механики движения мяча и играющего робота... Что выделило человека среди других животных, что перестроило наш мозг? Руки, способные трудиться. Так же, думаю, произойдет и у роботов — как это ни парадоксально. Усовершенствование моторно-исполнительных систем повлечет за собой развитие их «интеллекта».

Постепенно, слово за слово, узнаю и о жизни Александра Кристаповича.

Отец его был телеграфистом, воевал на русско-японской войне. Вернувшись, честно жил и работал... С началом первой мировой войны с семьей переезжает в Россию — Псков, Рязань, Армавир... В двадцатом году на юге России страшный голод. Семья Малмейстеров — Кристап, Лавизе и девятилетний Александр — возвращается в Латвию.

Рижская средняя школа. Многих одноклассников Малмейстер встретит через несколько лет, во время формирования латышской стрелковой дивизии. Университет. В сочинении на вступительном экзамене он пишет, что только труд может дать человеку полное удовлетворение. И сам трудится — по шестнадцать, по восемнадцать часов в сутки. Факультет инженерных наук был универсальным: мостостроение, строительство шоссейных дорог, гидротехника и еще многое, многое. Восемь-девять месяцев в году Малмейстер зарабатывал на жизнь и на учебу — проектировал и строил вместе с другими студентами и рабочими небольшие объекты, а зимой учился, сдавал экзамены.

— Явиться на экзамен хоть в чем-то неподготовленным значило нанести личное оскорбление профессору, и никто, естественно, не ходил по десять раз,— улыбается Малмейстер,— не канючил троечку.

Кроме того, он находил время и силы для спорта. Играл в волейбол, был капитаном сборной Латвии по баскетболу — одной из лучших команд Европы. В Риге я разговаривал с известными теперь учеными, которые учились после войны на инженерно-строительном факультете, деканом которого был Малмейстер. Не только звание гвардии майора, не только боевые ордена и медали, с которыми Александр Кристапович вернулся с фронта Великой Отечественной, не только принципиальные и острые философские диспуты — не только это вызывало искреннее уважение у студентов (завоевать его весьма не просто), но и то, что на спортивной площадке декану не было равных.

Александр Кристапович Малмейстер.

Фото Л. Шерстенникова

Но сначала была война. Он ушел в сорок первом году добровольцем. Участвовал в тяжелейших оборонительных боях. В составе 201-й латышской стрелковой дивизии защищал Москву.

Под Наро-Фоминском, у села Редькино, командовал взводом связи. В короткой передышке после многодневного боя солдаты спали в снегу. Внезапная танковая контратака фашистов. Наши орудия оказались на одной стороне села, снаряды — на другой. Нужно было в считанные секунды доставить снаряды к орудиям, и Малмейстер сделал больше, чем мог. Двумя осколками сорокапятимиллиметрового снаряда (осколки до сих пор в нем) был тяжело ранен. За четверть часа до взятия Редькина солдаты вынесли его на руках. Село вместе со всеми жителями, ранеными и медсестрами было сожжено немцами.

— Я где-то читал, что «даже в трудных полевых условиях, во время коротких передышек между боями А. К. Малмейстер находил возможность для изучения технической литературы и теоретических поисков, готовил себя к будущей научной работе».

— Думаю, так мог написать человек, который не был там,— говорит Александр Кристапович.

Демобилизация — и вот уже тридцать семь лет напряженного, каждодневного и всегда озаренного огромным талантом труда. Преподавательская работа, диссертации, научные статьи, организация новых лабораторий и целых институтов... Перечисление должностей, званий, наград Малмейстера заняло бы многие страницы. Но, может быть, важнее всех наград и премий способность работать сегодня, открывать то, о чем еще вчера люди не подозревали. Замечательный, неизменный дар Александра Кристаповича — сосредоточивать и отдавать силы, опыт, интеллект главному, тому, за чем будущее. У студентов, у молодых ученых он пользуется не меньшим авторитетом, чем тридцать лет назад. Это говорит о многом.

— ...До сих пор,— продолжает Александр Кристапович,— у серийных промышленных роботов исполнительно-моторная система состоит из искусственной руки в виде захвата — он может что-то взять или опустить. Это так примитивно по сравнению хотя бы с мизинцем левой руки человека, с одним его кончиком!.. Иногда нам кажется, что мы давно ушли вперед, а между тем нам еще изучать и догонять живую природу, творить по ее примеру.

Последние годы его интересует биомеханика, он возглавляет научный совет АН СССР по проблемам этой молодой науки. Ее задача: изучив принципы, по которым миллионы лет творила и творит природа алмазы, растения, кости, кровеносные сосуды человека и животных, применять их в строительстве, медицине, спорте, робототехнике... Ибо основное в его жизни — служение Родине, людям через главное для него — науку.

С. МАРКОВ

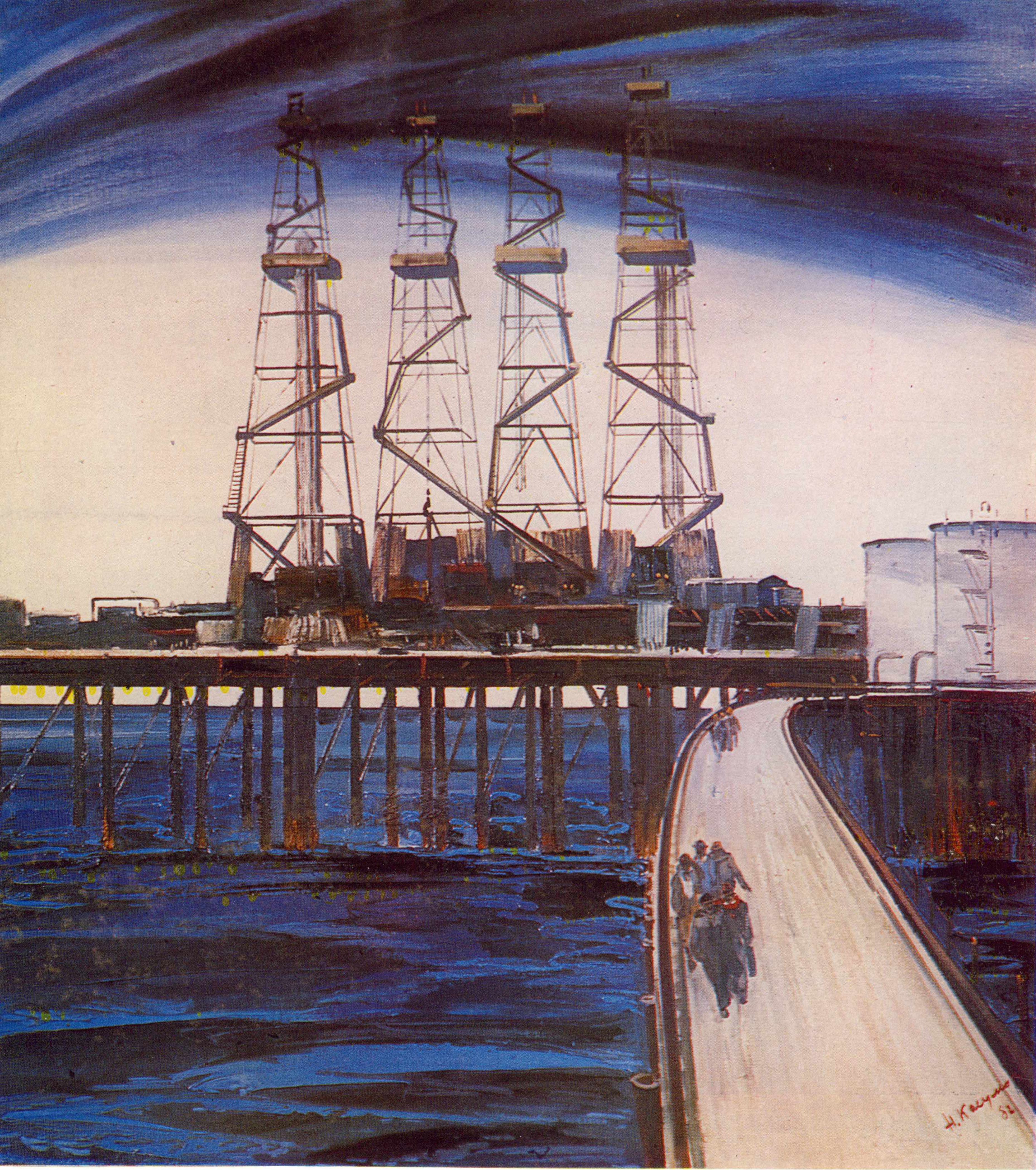
г. Рига, Латвийская ССР

По Северному морскому пути, активное освоение которого началось пятьдесят лет назад, теперь круглогодично идут грузы для Крайнего Севера * Туркмения. Научные исследования в пустыне Каракум.

О. Вуколов. Род. 1933. МАГИСТРАЛИ СИБИРИ. 1981

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина

Н. Касумов. Род. 1928. МОРСКОЕ БУРЕНИЕ. 1982.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

ШЕЛЬФ-1

Л. Бродская. Род. 1910. ЗИМА. 1982.

А. Китаев. Род. 1925.
НА СТРАЖЕ МИРА. 1975.

Московский сувенир.

Я — ОТ ИМЕНИ РАБОЧИХ

За неделю до начала сессии Верховного Совета СССР министр черной металлургии Иван Павлович Казанец принял депутата Совета Национальностей, члена планово-бюджетной комиссии, рабочего ереванского производственного объединения «Армэлектромаш» Арцруна Маргаровича Мирзояна.

— Я министру все рассказал,— говорил мне депутат, выйдя из кабинета,— как пришли ко мне рабочие, целая делегация, двенадцать человек. «Ты,— говорят,— депутат, ну так сделай что-нибудь. Стоим. Металла не хватает». А наш завод самый крупный в Армении — пятнадцать тысяч рабочих. Два квартала подряд мы побеждали в социалистическом соревновании. Это означает, что завод уже полгода лучший в Министерстве электротехнической промышленности. Хотелось бы и дальше передовым быть, но металл поступает неритмично. По некоторым позициям получили его вполовину меньше, чем предусмотрено планом. Я министру так и сказал: дескать, пришел от имени рабочих.

Мирзоян приехал в Москву за несколько дней до начала сессии Верховного Совета СССР, чтобы принять участие в работе своей комиссии, и в единственный свободный день крутился по Москве как белка в колесе. В том же Минчермете Арцрун Маргарович успел переговорить с начальником производственного управления, который по поручению министра занимается решением вопроса о поставках металла. Съездил на ВДНХ посмотреть, что нового в отрасли. Потом по депутатским делам заглянул в Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. А уж по делам семейным заехал в зоомагазин — хочется подарить сыну канарейку ко дню рождения.

За окнами гостиницы «Россия» сгущались сумерки, когда клетка с желтой птичкой временно обосновалась на подоконнике, а мы с Арцруном Маргаровичем взяли по чашечке кофе и уселись за столик гостиничного буфета.

— В нашей бригаде двадцать восемь человек. Собираем передвижные электростанции. Работаем без ОТК: у бригады есть свое клеймо. Я, когда уезжаю на сессию, не волнуюсь, потому что рабочие еще никогда завод не подводили. И за семью не беспокоюсь. Сильва, жена моя — инженер отдела стандартизации. Старший сын учится на пятом курсе политехнического института, а младший там же, на третьем.

Самое важное депутатское дело? Трудно выделить. Вот, например, «пробил» одинокой старушке телефон. Мелочь? А времени потратил, наверное, больше, чем когда добивался в Министерстве высшего и среднего специального образования, чтоб открыли на нашем заводе вечерний филиал политехнического института. Здесь уже идут занятия, а тогда я пришел на прием к министру и сказал: «Я — от имени рабочих».

Г. РОЗОВ
Фото автора.

г. Ереван,
Армянская ССР.

А. М. Мирзоян (справа) на приеме у начальника производственного управления Минчермета СССР Г. В. Котельникова.

Научные центры Сибири разрабатывают новые методы исследований. В томском Институте оптики атмосферы с помощью лидара ведется изучение чистоты воздушных слоев * Полупогружная морская буровая установка «Шельф-I» на Каспийском море.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, Г. Копосова и Л. Шерстенникова.

СОРОК ВОСЕМЬ ЗАПИСЕЙ

Познакомьтесь: Ашрафханум Меликова. Нефтяник. Оператор из старейшего, прославленного нефтегазодобывающего промыслового управления имени В. И. Ленина.

Депутат Верховного Совета СССР от Азербайджана. Образование—среднее специальное. Беспартийная.

...Каменистые, иззубренные ветрами ребра холмов, песчаные впадины. Суровая земля, пропитанная нефтью, озера и озерки, потоки, ручейки подземной «пластовой» воды, поднятой из недр вместе с нефтью. И, конечно же, традиционные, неизменные сотни и сотни «качалок», деловито, неустанно, беспрерывно сосущих из-под земли лучшую в мире бакинскую нефть.

Кому-то здесь может показаться не слишком привлекательно. Но не бакинцам, не нефтяникам. Потому что здесь их труд, их память, пот и кровь их отцов, дедов. Потому что здесь их дело—очень важное, нужное для народа, для настоящего и будущего. Здесь их дом. Родина.

Таков, так сказать, «рабочий цех» Ашрафханум. А товарищи ее... Вот пожилой, суровый на вид, немногословный старший инженер промысла Натиг Талыбов.

Или другой ее товарищ — парень в засаленной телогрейке, в старых запыленных сапогах — начальник участка, молодой инженер, выпускник Азербайджанского института нефти и химии Ильхам Мирзаджамалов. Молод, но за его плечами немалая школа практика-нефтяника. Баку, Тюмень и опять Баку. Потому что настоящая любовь к родным местам — это серьезно. Он ведет по своему участку так, словно по залам Эрмитажа. И его рассказ о глубоких насосах, о пластовом горении, о вторичном и третичном методах добычи нефти, о получении йода из «бросовых» пластовых вод звучит так же вдохновенно, занимательно, содержательно, как лекция лучшего экскурсовода.

А вот и напарница Ашрафханум по работе — оператор Аракся Унановна Мкртчян. Такая добрая, заботливая, мягкая, уютная бабушка. Ушла на пенсию, и... не ушла. Потому что здесь ее любимое дело.

Это фрагменты портретной галереи товарищей Ашрафханум. О чем еще надо сказать здесь, на промысле? О делах, мыслях, заботах. О том, что их главная забота, главная работа здесь — удержать добычу на промыслах-ветеранах. О том, как виртуозны они в изобретательности новых и новых способов полного, хозяйского, истинно коммунистического извлечения нефти из недр. Баку за свою историю дал стране свыше миллиарда тонн. Много тут чудес, выдумки и изобретательности. Совсем рядом — великолепное содружество: донецкие горняки и азербайджанские нефтяники ведут... шахту. А уже оттуда, с глубины трехсот метров, поднимутся (!) веером короткие скважины, и упрямая нефть потечет...

Еще не рассвело, а на кухне, в ванной, в комнатах кипит жизнь. Ашрафханум готовит завтрак. Сэвиндж (что значит — радость), или просто Севочка, собирается в свой четвертый класс. Рауф — в пятый. Яшар — глава семейства успевает и жене помогать, и со сборами на работу. Много лет вместе с женой они трудились на промыслах, потом — профсоюзная работа, а вот недавно — директор Дворца физкультуры и спорта. Яшар хорошо знает, что нужно нефтяникам и их детям: не спорт-зрелище, а истинно физическая культура, неотделимая от общей культуры человека.

Живут Меликовы в новенькой трехкомнатной квартире, в новеньком микрорайоне, расположенном на вершине амфитеатра, горным кольцом окружающего красавец город. Отсюда он как на ладони. Нет, не в депутатских привилегиях дело — подошла очередь на квартиру, которую Ашрафханум и Яшар ждали двенадцать лет. Она давно уже была избрана депутатом, а семья все продолжала жить в коммунальной квартире, все четверо в одной комнате. «Нельзя, надо, как другие!» — говорит Ашрафханум.

Три, четыре Баку выросло вместо прежнего за 60 лет, а все не хватает жилья. Почему? Потому что гигантскую задачу взял на себя наш народ: каждой семье — по квартире! Этапы решения задачи так трудны, что нам, сегодняшним, и не представить, как было до революции — рабочие казармы. Горький написал о них, как о «гениально сделанной картине мрачного ада».

Ашрафханум Меликова.

А потом, в двадцатые годы,— важный шаг вперед: бараки. А в тридцатые пошло строительство новых рабочих поселков с благоустроенными каменными домами, с коммунальными удобствами. Комната в коммунальной квартире — вершина жилищного благополучия в довоенные годы. И вот с шестидесятых — новый этап: каждому по квартире!

А какова тут, в жилищно-бытовой сфере, функция депутата? Все та же: быть вместе со всеми, быть, как все. Так оно и было.

В здании Ленинского районного Совета народных депутатов города Баку есть комната, возле которой укреплена красная табличка: «Депутат Верховного Совета СССР Меликова Ашрафханум Абдулага кызы». Здесь «штаб-квартира» депутата, здесь она ведет прием избирателей, обдумывает результаты своей работы в различных комиссиях, готовится к выступлениям. Отсюда она направляет свои «грозные письма», как полушутя называет их председатель исполкома Акшин Аббасович Биляндарми. Полушутя, потому что на самом деле, когда в любую советскую, партийную организацию приходит письмо с грифом: «Депутат Верховного Совета»,— всюду с максимальным вниманием, уважением принимают обращение депутата.

Люди, их судьбы — вот главное дело, главная забота нашего депутата.

...Коротенькая запись в «Книге приемов депутата»: «Пенсионерка Гурбанова У. Провести воду в поселке Романы. — Исполнено 17.05.79». Это не для пенсионерки Гурбановой, это для всего поселка «исполнено» такое важнейшее дело, как водопровод. Тут одними телефонными звонками да «грозными письмами» дело не обошлось. Пришлось ходить, ездить, доказывать, убеждать. И в конце концов победила эта невысокого росточка, хрупкая женщина, облеченная высшей властью,— депутат!

В «Книге» Ашрафханум — яркие сюжеты современной жизни, и в них тесно переплетены личные судьбы людей с высоким долгом депутата. Устроить больных товарищей в Курган, в институт к доктору-волшебнику Илизарову. Помочь молодому специалисту с переводом поближе к старикам родителям. Добиться исполнения ходатайства группы учителей о ремонте дороги. И еще, еще...

Сорок восемь дел записано за три года в «Книге приемов». Самых главных, самых трудных. И почти каждая запись оканчивается короткой отметкой: «Исп.». «Короткое слово, а путь к нему такой длинный!»—смеется Ашрафханум. Она всегда смеется, когда говорит о трудном, когда берется за трудное. Вот и сейчас она, член Постоянной комиссии Совета Национальностей по науке и технике, думает о трудном, о том, как повлиять на наше общественное мнение, когда речь идет о судьбе нефтяного Баку. «Правда, сегодня мы даем всего несколько процентов от общесоюзной добычи. Но ведь главное то, что именно у нас разрабатываются и уже применяются способы для полного, стопроцентного получения нефти из недр.

Ашрафханум улыбается. Какое у нее лицо? Рабочего человека? Да. Женщины? О, да! Деятеля государственного масштаба? Да, несомненно. Знакомьтесь: нефтяник Ашрафханум Меликова, депутат Верховного Совета от Азербайджана!

М. БАРИНОВ

г. Баку, Азербайджанская ССР.

ГОРИЗОНТЫ СМАГУЛА ТОКУМТАЕВА

Если бы не человек, здесь царила бы вечная тьма. И в той тьме, если бы не человек, вечным сном спали бы пласты древней жизни земли. Спали, если бы не будили их ежедневно шахтер Смагул Токумтаев и его товарищи по работе на шахте имени Горбачева, одной из крупнейших в Караганде. Теперь же, извлекаемые из недр, они, эти черные пласты, превращаются в энергию, которой человечеству с каждым годом требуется все больше.

Без восторга они начинали этот трудный горизонт, знали о неудобном его геологическом строении. Но действительность превзошла худшие их опасения. Временами комбайну приходилось идти по пустой породе — десять, пятнадцать и даже тридцать метров. Выработка, естественно, сразу упала, и хотя все знали, что это — временное явление, настроение в бригаде тоже как-то сникло. Токумтаев понимал, что обстоятельства решили испытать его бригаду на прочность. Он не сомневался ни в себе, ни в своих людях, но так трудно ему не было давно, пожалуй, со времен юности, когда постигал он шахтерское ремесло в отцовском забое. Тогда еще не существовало угольных комбайнов и передвижной механизированной крепи (как говорят шахтеры — «железной лавы»), уголек добывали отбойным молотком и подбирали лопатой. А силенок у него не очень-то хватало, ход не мог самостоятельно открыть. Отец, бывало, подойдет, откроет ему ход в угле и скажет: «Ну, Смагул, сал-сал» (кидай-кидай, значит). И он кидал, стараясь быть похожим на отца. Понаблюдал однажды за его старанием мастер и вывел мальчишке в конце смены небывалую выработку — пятнадцать тонн угля. Другой бы обрадовался, а Смагул расстроился, гордость в нем заговорила, заставила его на самом деле достигнуть такой выработки и даже еще большей. Отец скупо похвалил: «Это по-нашему, по-шахтерски». Сколько лет прошло, а помнятся те уроки юности. Уже старший сын Смагула Тахир спускается вместе с ним в шахту. Только времена теперь иные: нажал кнопку, и пошел комбайн грызть угольную стену, снимать стружку с нее, лишь шорох стоит. Но шахта есть шахта, и под землей всякое может случиться...

Смена давно кончилась, а Смагула все не было. Ужин остывал на плите. «Наверное, задерживается по делам,— успокаивала себя Жаксыпа, его жена,— может, партийное собрание затянулось, а может быть, депутатская группа по срочным вопросам собралась». И тут раздался телефонный звонок. Еще не сняв трубку, сердцем она почувствовала, что этот звонок не к добру. Она смотрела на телефон и боялась взять трубку. Но звонки не прекращались, и она наконец решилась. Голос Смагула, преувеличенно громкий и неестественно жизнерадостный... Он говорил ей, а она не понимала что, лишь переспрашивала: «Что случилось, Смагул, скажи, что произошло?»

— Ничего страшного, родная, просто немного поцарапал ногу, нахожусь в медпункте...

Когда она добралась до медпункта, ногу Токумтаеву уже загипсовали, «легкая царапина» оказалась переломом. Со свода сорвалась глыба угля, когда бригадир собирался подвинуть вперед «железную лаву». Проходя по коридору, Жаксыпа услышала голос мужа:

— Доктор, мне никак нельзя в больницу. Столько дел, к тому же завтра я должен вести депутатский прием, у меня в Пришахтинске приемный день. Как же так — люди придут, а меня нет...

— Подождать придется вашим избирателям с месяц,— отвечал врач,— ничего тут не поделаешь.

— Но я должен,— упрямо твердил Смагул. Так и не поехал в больницу. Отлеживался дома, и люди со своими просьбами приходили к депутату Токумтаеву домой.

— Какие же это были просьбы? — спросил я.

— Особенно бережно отношусь к просьбам разобраться в каких-то семейных неурядицах. И такое встречалось. Не скрою, мне даже льстит, что молодые люди обращаются за помощью не к отцу с матерью, а к депутату...

— А как обстоит дело с наказами избирателей?

После семейного шахматного турнира.

— Добиться выполнения наказов— первейший мой долг. Почти все, о чем меня просили, уже выполнено. Один наказ, например, потребовал визита к министру. Помогло. В итоге — проложены вторые пути на участке железной дороги Караганда — Моинты, участок электрифицирован, о чем и просили избиратели...

Хлопнула входная дверь. Это вернулся после второй смены старший сын Токумтаевых, Тахир. Я уже знал, что он работает в бригаде отца, который намеренно посылает сына на самые трудные участки, справедливо полагая, что настоящим шахтером становятся в преодолении преград.

— Рассказывай, как там дела?

— Полторы стружки прошли,— солидно отвечает Тахир. Это означает, что вместе с первой сменой бригада подняла на-гора́ тысячу семьсот тонн угля, перекрыв суточную норму. Я вижу, как они радуются этому, словно дети, как оживленно, забыв обо всем, начинают обсуждать какие-то бригадные проблемы.

Кончилась сессия Верховного Совета СССР, вернулся домой Герой Социалистического Труда, депутат Смагул Токумтаев, принимавший участие в утверждении плана на 1983 год. Этот план он будет утверждать теперь своим трудом. Первого декабря, как и договаривались, я позвонил на шахту имени Горбачева, и Смагул сообщил, что шахтеры в тот час устанавливали новогоднюю елку — шахта и, разумеется, бригада Смагула Токумтаева рапортовали о досрочном выполнении годового плана. Об этом мы с Токумтаевым говорили задолго до декабря...

Ю. ЛУШИН
Фото автора

г. Караганда, Казахская ССР.

Эви Корстен с дочкой.

...И ЕЩЕ ОДНА ВЫСОТА

Эви живет в Ооремаа. В конце сороковых годов здешний комсомолец Лембит Тамминг основал колхоз, назвал его «Кунгла»— символ древней счастливой земли — и был первым председателем, до тех пор, пока не убили его осатаневшие лесные бандиты — фашистские и кулацкие ошметки. С тех пор колхоз укрупнялся, и теперь живет в нем не столько легенда, сколько память о комсомольце Лембите Тамминге.

После войны здесь, в Йыгеваском районе, в этой самой поэтичной Ооремаа, оказался солдат Эстонского корпуса Карл Хансен. Он и по сей день трудится в колхозе «Кунгла» бригадиром-механиком. Здесь он женился, в 1952 году вступил в партию, а в 1966-м вступила в ряды КПСС и его жена Сиири, к тому времени уже мать четверых детей. Среди них была и Эви, о которой идет речь.

Выросли дети в родной семье и остались работать в родных местах. Почему остались? Наверное, потому, что родители никогда не говорили детям: «Мы всю жизнь в земле да в навозе, так хоть вы в городе поживите легко». Родители, бесспорно, хотят детям хорошего. Но сколько теперь одиноких стариков в деревнях лихом поминают эту свою слепую любовь... А Эви рассуждает так:

— Оставим пока в стороне высокие слова. Но и в житейском смысле я не понимаю этой безоглядной тяги в город. Сначала маются с жильем, потом, с помощью родителей, конечно, обзаведутся всяким «добром»,— и что же? Мы, сельские, чаще в театр ездим, чем они, городские, ходят. Ни к какой духовной жизни, как правило, такие «перелетные птицы» не стремятся, а для меня поездка в театр — праздник. Деревенская молодежь ищет в городе легкой работы — такова реальность. Но есть и другая реальность — пусть меньшая часть, но остается же молодежь в деревне. И не надо думать, что только те остаются, кто ни на что не способен. Вот здесь уже к месту будет вспомнить «высокие слова» — долг, честь, любовь к родному краю, к родителям, к земле. Трудно, конечно, нам, оставшимся, но управляемся — и плодородие гектара за послевоенные годы сумели увеличить втрое, и средний удой втрое же: это тоже реальность, и она говорит в нашу пользу.

Эви после восьмилетки и учиться поехала не в город, а в село: в Вильяндиский район, в совхоз-техникум имени Гагарина. Пока училась и работала три года в соседнем районе по распределению, колхоз «Кунгла» в отсталых не ходил, а был и продолжает быть в первой десятке и по району и в республике. Нынче, например, зерна здесь получено по 34,8 центнера с гектара, картошки — 221 центнер, удой около 4000 килограммов, а дневной заработок колхозника подошел к 10 рублям: такие тут главные цифры деревенской экономики. Долгие годы труда признанных и непризнанных сельских героев — цена этих цифр... Есть здесь и вклад Эви Корстен: с утра как влезет в сапоги, как уйдет на ферму к восьми, так до восьми там и пробудет.

Как-то Эви заметила — идут и идут о ней какие-то разговоры в колхозе. А приближался март 1979 года, страна готовилась к выборам в Верховный Совет СССР десятого созыва.

— И в один прекрасный день я вдруг узнала, что меня выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Памятный день. Я радовалась, естественно. Но мне и тревожно было: представить себе не могла, как это я буду депутатом. И перед земляками неловко было: мне всего двадцать три года, и что я такое по сравнению с ними, проработавшими здесь всю жизнь? Я-то даже комсомолкой была всегда рядовой, в «Комсомольском прожекторе» работала, вместе с народным контролем. А о работе зооветтехника и говорить нечего — тут, чтобы показать себя, десятилетия нужны. За что же мне такое доверие?— рассказывала о своих сомнениях Эви.

«Ты из семьи коммунистов, Эви, трудиться умеешь, считай, что доверие наше к твоей молодости идет авансом»,— говорили избиратели на предвыборных собраниях...

— Каждая сессия Верховного Совета СССР — это величайший университет жизни,— продолжает Эви.— Уже после первого заседания первой сессии, узнав много нового, я совершенно иначе — шире и разностороннее — стала смотреть на наши социальные и экономические проблемы. Появилось, быть может, чувство смелости, высоты и ответственности.

В том же году в составе группы комсомольцев Эстонии и Ярославской области Эви ездила в Португалию. Именно в этой поездке она познакомилась с Калевом Корстеном. И уже с первых слов стало понятным, что Калев видит мир и свое место в нем, и свои обязанности в нем совершенно так же, как Эви. И даже призвание у них близкое, только Калев — ветврач, окончил Эстонскую сельскохозяйственную академию.

— Я девчонкой пасла домашний скот,— рассказывала ему Эви.

— Я тоже,— улыбался Калев,— у меня с детства к животным сочувствие и желание помочь.

А потом Эви узнала о своем но-

вом знакомом нечто необычное: он получает второе высшее образование. Всем нутром сельский человек, ветврач — и вдруг: в университете, на истфаке, на отделении психологии!

— Разумеется, я останусь ветврачом. Но за время студенческое я узнал в людях много нового для себя, открылся иной мир, и меня заинтересовала сложная область человеческих и социальных отношений,— рассказывал Калев, и Эви слушала его молча и удивленно...

Вскоре они поженились. Калев переехал на родину Эви, в колхоз «Кунгла», они получили хорошую квартиру в новом доме колхозных специалистов. А потом Эви ушла в декретный отпуск.

Уже говорилось, что «Кунгла»— хозяйство передовое, зажиточное. И однажды правление колхоза во главе с председателем Андресом Силдником решило предоставить молодым матерям длительный оплачиваемый отпуск. Эви так говорит по этому поводу:

— Полтора года я сама воспитываю дочь, и полтора года колхоз выплачивает мне восемьдесят шесть рублей в месяц — положенный процент от моего заработка. Я не прерываю, разумеется, депутатских дел, но для ребенка очень важно постоянное присутствие матери в первый год жизни. Одновременно со мной ушла в декрет доярка Лилия Мандре — она получает ежемесячно сто шестьдесят рублей. Вот такие теперь возможности у нас в колхозе «Кунгла».

Каждый последний четверг месяца в Йыгеваском райисполкоме Эви принимает избирателей. И успехи и неудачи на депутатском поприще не миновали ее. Сразу после избрания принялась она выполнять наказ избирателей — добиваться строительства бройлерной фермы в колхозе. Много написала писем, вела устные переговоры. Увы! Колхозу было отказано — совсем не просто обеспечить такую ферму кормами. Вместо этого обещаны капиталовложения на новую свиноферму — свиней и кормить и обслуживать проще.

— В этом есть свой резон,— подумав, согласилась Эви.— Объясню избирателям.

Недавно колхозный пасечник Хейно Пеедор приходил к своему депутату и рассказал, что ни с того ни с сего отменили автобусный рейс на линии Тарту—Торма—Куремаа—Йыгева.

— Хуже всего ребятишкам,— говорил пасечник,— разве их заставишь дожидаться школьного автобуса, который ходит дважды в день? У кого уроки раньше кончаются, и в дождь и в снег идут пешком, разве это дело?

Эви только хмыкнула — всего десять лет назад, не дожидаясь школьного автобуса, она с друзьями в дождь и в снег не раз неслась домой пешком... Но, конечно же, написала письмо начальнику автобусной станции и теперь ждет ответа.

— Мелочей разных много,— говорит Эви.— Приходил как-то человек с жалобой, что ему неправильно зарплату выплачивают,— возни было с проверкой! И оказалось, что ему за один день не выплатили.

— У вас есть друзья?

— Да целая комсомольская организация! Но главные друзья — мои родители. У нас приусадебные участки даже рядом.

— А как вы отдыхаете?

— В Тарту в театр ездим, кино у нас в клубе часто. Но больше читаем — вот.— Эви показала на полку с книгами.— И снова о делах колхозных:— Интересно, какой-то в новом году будет февраль? Хорошо бы снежный, метельный — к урожаю... У меня февраль будет — ого-го-го! Выхожу на работу, поручаю Марью свою бабушке Лидии, она у нас еще крепкая, хочет повозиться с правнучкой. И еще хочу поступить заочно в сельхозакадемию. Если пройду конкурс, заниматься буду изо всех сил.

Н. ХРАБРОВА
Фото В. Сальмре

Йыгеваский район,
Эстонская ССР.

У КАЖДОГО ДВЕ МАТЕРИ

Хлопоты уходящего года наконец-то принесли Ольге Калиновне некоторое удовлетворение: совет колхозов включил в свой план строительство в Распопенах амбулатории на сто сорок посещений. Это давно надо бы сделать. Сейчас же больничный городок, в котором Ольга Калиновна, главный врач, полновластной хозяйкой вот уже двадцать два года, такой зеленый и по-сельски уютный, никак ни ее, ни других медработников, ни приходящих пациентов не устраивает. Когда-то здание амбулатории строилось для райисполкома, то был далекий пятидесятый год... Лет через десять райцентра не стало, повсюду шли укрупнения. Ольга Калиновна и персонал тогдашнего медпункта переселились в здание исполкома.

Постепенно жизнь вошла в новую колею, жители Распопен получали любую первую медицинскую помощь, работало родильное отделение; лаборатория и рентгеновский кабинет позволяли Ольге Калиновне вовремя сдерживать возможные традиционные заболевания. Чудес не творила, однако земляки, особенно женщины, молодые и пожилые, многодетные и будущие матери, были спокойны: есть Ольга Калиновна!

И вот старенькая, плохо отапливаемая амбулатория, сослужив самую высокую службу, заканчивает свой долгий век. В Распопенах изо всех окошек видели, как приехали к Ольге Калиновне проектировщики, потом прораб. Как она с председателем колхоза Григорием Федоровичем Захарием прошла на место будущей больницы, там они долго о чем-то говорили и следили за разметкой площадки... И вот новость: пришел трактор, начал было готовить место под котлован, да что-то не заладилось...

Ольга Калиновна позвонила Захарию.

— Сегодня простоял без дела.

— Я узнаю, подъеду... Да вы теперь не беспокойтесь. Колхоз от своего слова не отступится, Ольга Калиновна. Будет вам больница! Проект есть, деньги есть, песок рядом, камень станем возить...

Все, что есть в Распопенах, построил и строит колхоз. Особенно последние пять лет, с тех пор, как председателем избрали Григория Федоровича Захария. Забота о земле в этих местах первична. Колхоз в судьбе Распопен единственный источник благосостояния, и новый торговый центр, школа, больница, жилье, дороги — заботы колхозные. Материнство земли — это так понятно Ольге Калиновне! Идея материнства, проблемы его, его философия — содержание переполненной повседневными событиями жизни главного врача сельской больницы — не только в Распопенах. Наметанным глазом, материнским сердцем видит, улавливает Ольга Калиновна ход самых будничных, житейских событий, которые могут так или иначе сказаться на благополучии материнства, на судьбе народившегося поколения. Тем более что главный врач (ныне, прямо скажем, главный хозяйственник и ходатай по делам односельчан одновременно) по специальности врач детский.

Подопечные Героя Социалистического Труда Ольги Калиновны Ионку сегодня — в кабинах тракторов и автомашин, в белых халатах медсестер, и они будут поднимать стены новой больницы, а главное — растить детей.

Чувство невосполнимой потери, черное ощущение сиротства давно притупилось, давно у Ольги Калиновны у самой двое почти взрослых детей — Наташа и Сергей. У них, у Наташи и Сергея, есть мать; и все же, начиная пересказывать прожитое, заполняя первую, самую первую страницу биографии, Ольга Калиновна мучительно скупо сообщает: сирота. Матери и отца лишилась в раннем детстве.

...Казенные дети, как называли селяне детдомовцев, наделялись всегда при встрече вздохами и долгими взглядами сострадания. А вот Ольга Калиновна при всей ее нежности и безграничном чувстве опекунства по отношению к разновозрастным своим подопечным, к оценке своего детства, относится достаточно сурово, реалистично:

— Правильное было детство. Без сантиментов. Это и к лучшему. Мы в детдоме по крайней мере были одеты, обуты, сыты, всегда заняты делом, причем нашим делом — согласно правилам общежития и законам возраста. То есть учились в условиях самообслуживания. А годы какие! Только-только война кончилась. Мы, детдомовцы, ничего этого не знали. Рядом была воспитательница. К нам одно требование: учись, будь человеком. Да, мы с детства коллективисты. А эта черта многое, если не все, определяет в человеке.

У каждого из нас две матери. Родившая нас и вторая — это Родина. И сейчас, когда односельчанам что-то нужно, когда дети в Распопенах, колхоз в Распопенах или вновь образованный Шолданештский район на правобережье Днестра испытывают в чем-либо нужду, тогда народный депутат О. К. Ионку идет снова и снова к ней, своей второй матери, и та каждый раз помогает ей.

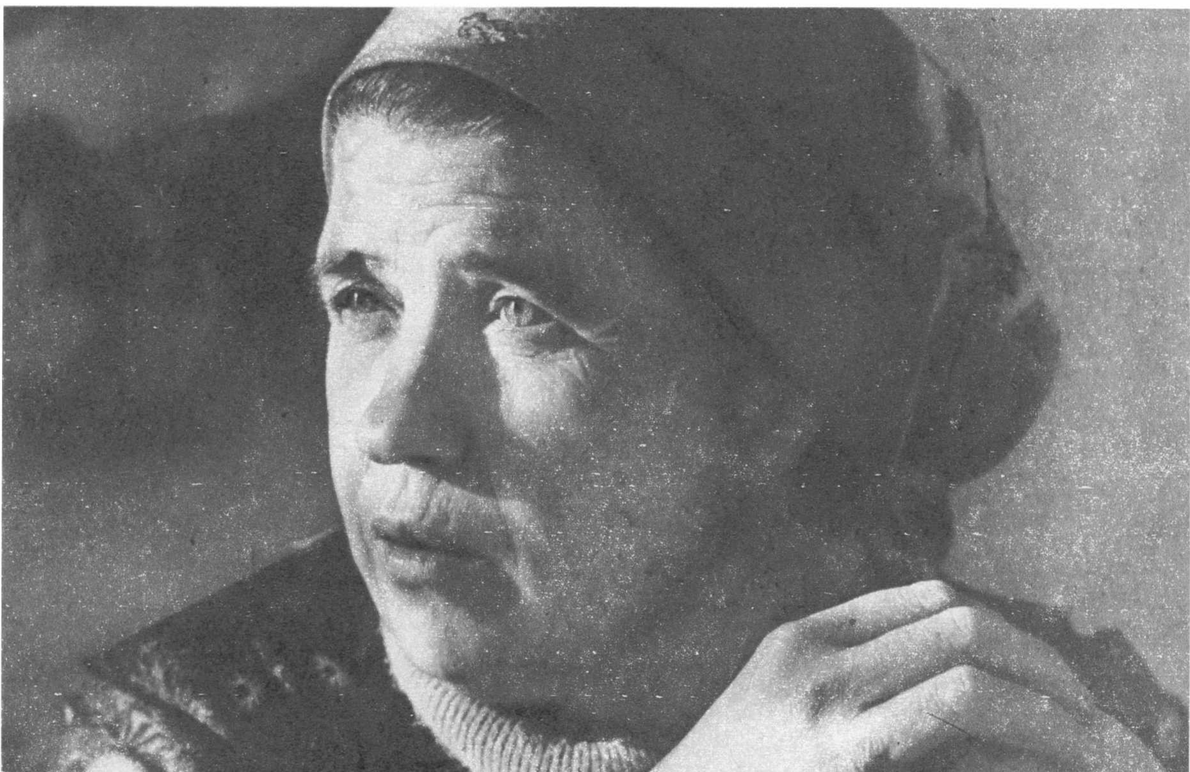
Что ни год—принимай, село, новорожденных. Сколько? Да меньше ста не бывает. Смеется по-матерински растерянно Ольга Калиновна: что, мол, поделаешь! Такое впечатление, что на земле круглый год весна. Сто двадцать, сто сорок, а то и побольше новорожденных в ее округе... Не хватает педиатров. Было время, в тех же Распопенах единственный фельдшер да бабки-повитухи когда-то справляли всю медицинскую службу. Но те времена с водами Днестра давным-давно отошли к морю небытия. Сейчас в республике на четыре миллиона жителей приходится тринадцать тысяч врачей. За два последних года в Шолданештский район прислали тридцать восемь молодых дипломированных врачей. Ох, как о многом говорит одна лишь эта цифра. Во многих районах идет строительство домов здоровья — современных амбулаторий. Вдохновителем его является министр здравоохранения Кирилл Алексеевич Драганюк, человек исключительной энергии, биография которого начинается тоже со слова сирота. И его тоже усыновила Родина. Нет, они не были казенными, эти дети, усыновленные Советской властью.

Н. БЫКОВ

Фото Б. Кузьмина

Шолданештский район,
Молдавская ССР.

Ольга Калиновна Ионку.

И ЛЕГКО И ТРУДНО

Утром в Бейруте выпал снег. Несколько часов он лежал тонким пуховым слоем на зеленой траве и деревьях. Своей нежной незахватанной белизной снег напомнил Махфират россыпи шелковых коконов на складах далекого родного комбината. Что-то в душе дрогнуло, и сердце заныло по дому. Ливанский парламентарий, сопровождавший советскую делегацию, внимательно посмотрел на молодую женщину и обратился через переводчика:

— Скажите, сколько вы затратили на предвыборную кампанию?

Махфират растерялась:

— Денег? Нисколько...

— Тогда как же вам удалось расположить к себе избирателей? Без рекламы это невозможно.

— Вот вы о чем! — улыбнулась Махфират.— В нашей стране главное — доверие избирателей, которое надо заслужить.

Эта история случилась с Махфират Додобаевой в январе 1974-го, когда она в составе делегации Верховного Совета СССР впервые оказалась за границей.

Тогда ей не исполнилось еще и тридцати. Но за плечами был уже двенадцатилетний стаж работы ткачихой, в который не вошли только два года ученичества у своей старшей сестры Туфы на маленькой уютной фабрике «Ходжентатлас», куда Махфират уже с восьмого класса бегала после уроков. Сестра была учителем взыскующим и внимательным. Учила работать расторопно, без огрехов, с душой. Так же, как ее обучал отец — Ташпулат Хусейнбаев, опытнейший ткач, организовавший в 1924-м товарищескую артель «Ходжентатлас». И который сам древнее ремесло шелковика перенял у своего отца, а тот от своего...

Основательная выучка, традиционное знание секретов ткачества позволили Махфират Додобаевой, когда она перешла с «Ходжентатласа» на крупное современное предприятие — Ленинабадский шелковый комбинат, сразу начать работать энергично. Скоро молодую ткачиху заметили. О ней заговорили. Потом пришли первые рекорды.

Ей едва исполнилось двадцать пять, но она уже была признана на своей третьей ткацкой фабрике лучшей наставницей. К ней приходили девушки со всего города с просьбой принять в ученицы.

Так зарождалось доверие...

Ее жизнь круто изменилась в семидесятом. В тот год Махфират первый раз избрали депутатом Верховного Совета СССР. «Мне стало страшно, когда после выборов я поняла, какая ноша легла на мои плечи,— признается теперь Махфират.— Прежде у меня была только работа, которую я знала и очень любила. После — семья, дом. С получением депутатского мандата я почувствовала, что, кроме работы и семьи, есть дела государственной ответственности... Я все думала, как управиться с наказами тех, кто меня избирал, кто мне доверял. Не выполнить их я не могла, иначе как в глаза людям смотреть! Но с чего начать — не знала».

Состояние Махфират можно понять. При первом же знакомстве с ней сразу угадывается человек мягкий, деликатный, принимающий все близко к сердцу. Но привыкшие все делать на совесть, такие люди обычно в поступках тверды и последовательны.

Впервые свой депутатский характер Махфират показала, когда пришел черед выполнить серьезный наказ — построить Дворец культуры. Прежде шелковый комбинат обходился стареньким, тесным клубом. Впрочем, сказать «обходился» трудно, точнее — горе мыкали.

Несколько раз Махфират летала в Душанбе, трижды — в Москву. Дошла до министра и убедила, что Дворец культуры нужен комбинату как воздух. Прошла по всем финансовым и строительным организациям, где долго не могли найти средства, материалы, возможности... Нашлось все в конце концов. И в мае 75-го новый Дворец культуры был сдан шелковикам.

Два года назад забот у Махфират резко прибавилось. Ее выбрали председателем профкома комбината. Она взялась за дело, которое обычно доверяют в коллективе уважаемым людям.

Работается ей сейчас, как она говорит, «и легко и трудно». С одной стороны, накоплен большой опыт и навыки в тех практических делах, которыми приходится заниматься ежедневно. Помогает депутатская практика. Теперь она дважды, как иногда бывало раньше, в одну и ту же дверь не зайдет. И вовсе не потому, что появилась излишняя сановитость. Умение, которое пришло с годами, четко изложить любому должностному лицу суть любой проблемы, аргументированно доказать необходимость ее скорейшего решения позволяет делать все быстро и оперативно. Взять хотя бы последние хлопоты с подсобным хозяйством. Затеяно дело серьезное, планируется уже в будущем году получать на комбинате собственное мясо, молоко, овощи, фрукты. Но осенью благое начало затормозилось из-за нехватки инвентаря, сельхозмашин. В дни минувшей сессии Верховного Совета СССР после заседаний ее можно было встретить в самых разных главках и министерствах. Потребовалось всего два дня, чтобы добиться решения о снабжении подсобного хозяйства шелкового комбината необходимыми машинами.

С другой стороны, профсоюзная работа связана с насущными проблемами и заботами людей. Эта работа не знает перерывов. И в этом ее трудность.

Один день я провел в рабочем кабинете Махфират. С утра и до семи часов вечера, пока не затихла жизнь на комбинате, в профком шли люди. И не было такого, кому бы Махфират сказала: «Я занята, приходите завтра».

В восьмом часу мы вышли на улицу. Шел крупный снег. В бледно-синем свете неоновых фонарей лицо Махфират показалось мне усталым.

— За два года работы в моем кабинете перебывали сотни людей,— заговорила она бодрым голосом.— В основном идут с просьбой о жилье. Это серьезная проблема. У нас большая очередь на жилье — более двух тысяч человек. Я сама получила квартиру только в прошлом году, раньше жили в глинобитном домике у свекрови...

Мы дошли до автобусной остановки. Снег шел не переставая.

— Когда у нас падает снег, я всегда вспоминаю Бейрут,— сказала Махфират.— Красивый был город... Сейчас, говорят, часть его в развалинах. Страшное дело — война. Я часто задумываюсь об этом. Может, потому, что двое моих старших сыновей служат в армии... Мне кажется, мир во многом зависит от каждого из нас. Тут прямая связь: чем лучше мы все будем трудиться, тем крепче будет наше государство, а значит, прочнее мир на земле. А под мирным небом мы решим и все наши проблемы. Обязательно решим...

А. ПОПОВ

г. Ленинабад, Таджикская ССР.

Хлебом и солью встречали в столичном аэропорту посланцев республики, прилетевших на дни Таджикистана в Москве. (Крайняя справа — М. Додобаева.)

Село Жаны-Жол окружено горами. Белостенные домики — словно стадо белых барашков под неусыпным оком пастухов-гор. К зиме «пастухи» начали мерзнуть, а потому принакрылись шапками снегов, но и подопечных своих не забыли, не обошли щедростью — посыпали снежным пухом и кры-

Разговор с земляками-избирателями.

БАХЫТ — ЗНАЧИТ СЧАСТЬЕ

ши и улицы. Настоящие же овцы после летней стрижки вновь оделись в модные в их кругу цигейковые шубы, тоже подготовились к холодам. Карачал Асанбаев, старший чабан киргизского совхоза имени Боконбаева, зажмурился на секунду от хлынувшего в глаза света и сказал озабоченно: «Пора к овцам, а то узнавать перестанут».

Вот так же начинал он утро в прошлый мой приезд сюда, летом, хотя находился в отаре почти неотлучно. Наблюдая тогда на высокогорном джайлоо, как он управлялся с овцами, и не находя, если честно признаться, внешних видимых отличий от других чабанов, я не уставал удивляться: почему сотня его овец приносит в год по 190 ягнят, а у других только по сто? Почему его овцы не болеют, а в других отарах случается падеж? Почему от каждой овцы он получает по 6,2 килограмма шерсти, а другие лишь по четыре или того меньше? (А в совхозе, между прочим, 43 тысячи овец пасется, и понятно, какой резерв скрывается за каждым из этих «почему».) И все-таки почему? Сам Карачал ответил коротко: «Потому что некоторых чабанов овцы пасут, а надо бы наоборот». Еще короче выразился сек-

ретарь парткома Ташкара Джамакнулов: «Потому что Асанбаев каждую овцу в «лицо» знает...»

Я так думаю, что Карачал просто талантливый чабан. Разумеется, это не означает, что все ему давалось само собой — и достижения, и ордена, и почет. Огромный труд вкладывал он в свое любимое дело, а настоящая любовь не знает преград, и потому он не чувствовал усталости, не замечал кажущегося однообразия своей профессии, потому не ускользали от него тончайшие нюансы чабанского ремесла и приносила радость скрытая его поэзия. В дирекции совхоза, в парткоме видели, что Карачал от лета к лету становится опытнее, мудрее. Они могли довериться молодому чабану, знали, что из самой сложной зимовки отара Карачала выйдет без потерь, овцы не будут страдать от болезней. В общем, в совхозе появился лидер... Но лидер лидеру рознь. Один, почувствовав свою ведущую роль, начинает свысока поглядывать на сограждан. Карачал будто не замечал своего лидерства. Он мог подойти к чабану, у которого что-то не клеилось, и с доброй улыбкой дать совет, который многого стоил. Или приехать в его отару и показать на деле что и как. Так в Киргизии возникла школа чабанов Карачала Асанбаева. Он не хотел оставаться единственным лидером, болел за общее дело. Наверное, эти его качества показались односельчанам наиболее убедительными, чтобы избрать Карачала Асанбаева депутатом Верховного Совета СССР.

— Да, пора к овцам,— повторил Карачал. И словно поняв его слова, будто в ответ на них тихим зовущим ржанием ответил хозяину его верный конь. Карачал пошел в дом за седлом. У порога на ковре младший его сын играл в чабана. Белые и черные камушки были его барашками.

— Как дела, Шайлоо? — как равного спросил его отец.

Тот не ответил, ему было некогда, он гнал своих овец в горы.

— Что означает его имя? — спросил я.

— Шайлоо — значит выбор. Он родился в тот день, когда меня избрали депутатом Верховного Совета... Занятый человек, да?

— Весь в отца,—ответил я, снова вспомнив свой летний приезд и предельно занятого Карачала. «Приезжай-ка зимой, посвободнее будет»,— говорил он тогда. Теперь же смущенно оправдывался: «Минуты свободной нет: в среду депутатский прием, потом встреча со строителями — надо один из наказов проверить, выступление перед школьниками, овцам корм нужно подвезти, зимние кошары почистить, жену в больнице навестить — пополнение в семье ожидается, седьмой ребенок. Имя уже придумали. Дочка будет — Бахыткан назовем, если сын — Бахытбек...»

Опять я поинтересовался, как переводятся имена. Карачал ответил:

— Бахыт по-киргизски значит счастье.

Л. ЮРЬЕВ

Фото автора

Токтогульский район,
Киргизская ССР.

ЖИВОЙ ПЕСОК

Встреча на мордовской земле. А. Чарыев (справа) и первый секретарь Мордовского обкома КПСС А. Березин. Гидростроители Туркмении строят здесь ряд гидротехнических сооружений.

...То ли в самолете, когда летели из Ашхабада в Мары (Каракумский канал, которому Чарыев отдал всю свою жизнь, ломаной, сверкающей на солнце линией бежал далеко внизу среди песков), то ли чуть позже в катере на подводных крыльях, уносящем нас по глади канала в глубь Каракумов, то ли на обратном пути в Ашхабад — его мы проделали на машине,— Чарыев сказал, что никогда не требует от своих подчиненных невозможного. Превыше всего ценит во всякой работе, а особенно в строительстве, стабильность, ритмичность. Он сказал, что ему по душе такое планирование: «Говорю, допустим, начальнику треста — вот отпущенные тебе ресурсы, мы их гарантируем, а вот что мы от тебя ждем. Выполнишь? Если нет — обоснуй. Убедишь — снизим задание. А если берешься, то будь добр, выполняй. Задание абсолютно реально, и ты самостоятелен в его выполнении... Мне кажется,— закончил мысль Чарыев,—всякое дело можно осилить, если берутся за него единомышленники. Считаю, у плана не в хвосте надо плестись, а работать на опережение! И убеждаю в этом людей, и делаю все от себя зависящее, чтобы им такую работу обеспечить, и превращаю их в конце концов в своих единомышленников. Да и потом,— улыбнулся,—мне легко агитировать. Вода для Туркмении — жизнь. Без воды Туркмения — пустыня, с водой—цветущий сад!»

Ата Чарыев — начальник Главного управления по строительству и освоению земель в зоне Каракумского канала имени В. И. Ленина —«Главкаракумстроя»—крепкий человек пятидесяти с небольшим. Он руководитель, уважающий прежде всего достоинство людей, их право мыслить и поступать самостоятельно. Многие из его сослуживцев — главк огромный, на коллегии собирается до шестидесяти человек,— говорили, что Чарыев строит свои отношения с людьми на доверии, он совершенно искренне убежден, что по своей воле человек просто не может не хотеть хорошо работать, и всегда старается установить и устранить причины, мешающие этой хорошей, естественной, по его мнению, работе. Хотя это вовсе не означает, что таковыми причинами не окажутся, допустим, отсутствие надлежащего контроля или утрата людьми чувства ответственности... Что ж, приходится сталкиваться и с этим.

Ата Чарыев — депутат Верховного Совета СССР, член ЦК Компартии Туркменистана, кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, «Знак Почета», обладатель многих других наград и отличий, руководитель крупнейшего в республике предприятия. Человек неотделим от своего дела, и, думая о Чарыеве, я вспоминаю все виденное в эти дни: коричнево-желтые, сыпучие пески Каракумов, иссохшие кусты колючек и каменно-твердые стволы саксаулов, изрядно заснеженные вершины Копетдага, воду, бегущую по основному руслу и многочисленным отводным рукавам канала, голубую ее, какую-то морскую прозрачность в Хауз-Ханском водохранилище... Вспоминаю размах строительства на Западном участке — канал бетонируется, воздвигаются насосные станции, селепропускные сооружения, мосты, акведуки... Вспоминаю тихую субтропическую зону, городок Кара-Кала, переспелые, растрескавшиеся прямо на ветках гранаты. Сюда, кажется, не долетает никакой ветер, так здесь тепло и солнечно. Однако же все, что я видел спокойным взглядом наблюдателя — строящееся ли, завершенное, но неизменно реальное, неотъемлемое от этой земли,— Чарыев видел по-другому — одушевленным, что ли. На каждом километре сходилось у него, должно быть, два плана: что здесь сейчас и как было когда-то, да плюс еще все, что пережито. Ведь он прожил на этой земле пятьдесят лет и большую их часть посвятил тому, чтобы она стала живой, цветущей. Где я видел спокойное течение воды, он видел бурный паводок: лишь чудом удалось предотвратить беду. Где я видел благоустроенные массивы, он—дикую пустыню: сколько ночей пришлось провести под открытым небом у костра, сколько — в палатках, где спали, не раздеваясь... Он вдоволь хлебнул романтики первостроителей, и хоть сейчас совершенно не желает, чтобы молодежь проходила такой же путь — в смысле лишений, испытаний, выпавших тогда на их долю,— все же считает те свои годы счастливыми.

На этом, наверное, можно рассказ об Ата Чарыеве остановить. Вспоминая все, что он рассказал, все, что я вместе с ним увидел, я представляю его стоящим на вершине бархана, пересыпающим из ладони в ладонь песок, как хлебороб пересыпает зерно, убежденно и страстно утверждающим, что песок живой: из него можно строить дома, на нем можно выращивать хлопок, овощи, фрукты — была бы только вода! То возле корпусов прекрасного санатория-профилактория, построенного для рабочих «Главкаракумстроя» неподалеку от города Мары. Чарыев взял на себя ответственность, убедил пробурить поблизости скважину — пошла отличная минеральная вода! То на берегу голубого Хауз-Ханского водохранилища, рассказывающим, какая страшная была здесь жара — летом, когда рыли котлован... А то вдруг вижу мальчиком — он вырос в селе Рахат возле реки Мургаб в семье крестьянина. В том районе еще до революции русскими инженерами были созданы отличные, используемые до сих пор гидротехнические сооружения, и уже в детстве Ата своими глазами увидел, что может дать его земле искусственное орошение...

Судьба его, жизнь неразделимы с Туркменией и великим Каракумским каналом...

Ю. КОЗЛОВ

г. Ашхабад, Туркменская ССР.

В. Тропинин. КРУЖЕВНИЦА. 1823. Государственная Третьяковская галерея.

В. Тропинин. 1776—1857. ГОЛОВА МАЛЬЧИКА. (Портрет сына художника). Около 1818. Государственная Третьяковская галерея.

ВАСИЛИЙ ТРОПИНИН

Александр БАСМАНОВ

Пушкин сам приходил к Тропинину в его аскетическую, с голыми штукатуренными стенами мастерскую на Ленивке. Прямых сеансов состоялось ровно пять, и ход работы над портретом не выделялся из привычного, раз навсегда усвоенного ряда: от первого острого впечатления, подсказанного натурой, в этюде — к идее, выраженной карандашом, и затем уже переход к холсту, где идея реализовалась впрямую.

Портрет писался по личному заказу Александра Сергеевича, для подарка Соболевскому, издавна желавшему иметь изображение друга — «домашнего, обыкновенного, каким он был всегда, непричесанного и неприглаженного». Трудно было для такого именно стиля найти лучшего живописца, чем москвич Тропинин, уже тогда признанный мастер так называемого «халатного» портрета. Пушкин у него так и вышел: сдержанный, приглушенный по краскам, в основном в сине-коричневой гамме, будто бы подсмотренный за работою, одиноким, в уголке своего кабинета, у письменного стола. Но при всей скромности в способах живописного выражения царственна явилась свободная поза поэта и вдохновенно его прекрасное лицо. К тому же современники утверждали: «сходство портрета с подлинником поразительное».

Спустя много лет, в промежуток которых портрет, украденный у Соболевского, находился бог весть где и был неизвестен публике, Тропинин увидел его в антикварной лавке Волкова — грязным и испорченным. Однако подновлять холст, несмотря на уговоры и посулы Волкова, он отказался: лишь бережно вымыл и покрыл свежим лаком, говоря, что не может коснуться кистью того, что было написано в присутствии самого Пушкина, под живым впечатлением от бесед с ним и свиданий. Здесь, в этом поступке, явилось, быть может, основное артистическое и нравственное кредо Тропинина: искусство — выражение чувства, почти мгновенная его реакция, оно в сердце, а не руке.

Портрет Пушкина был замечательным взлетом пятидесятилетнего мастера, а собственная мастерская на Ленивке с красивейшим видом на Москву-реку и Кремль открывала последний, покойный, благополучный период его жизни, в общем, весьма нескладной: родился он в 1776 году крепостным дворовым человеком графа Миниха, затем был «преподнесен» в приданое за молодой графиней знаменитому суворовскому генералу Ираклию Моркову, при котором и находился первую половину своего земного срока.

То было сплошное ученье, нащупывание, поиск собственного оригинального почерка, и в северной Пальмире, куда его мальчишкою послали для навыка в кондитерском деле, он часто бывал крепко бит надзирательницей, так как имел некоторое даже отвращение к марципановым конфектам, горячему бланманже и суфле из каштанов, но беспрестанно марал углем вощеную тортовую бумагу и, что хуже, стены поварни сюжетами вроде «Поклонение побежденных римскому императору», «Жертвоприношение Ифигении», мотивами вергилиевой «Энеиды», проявляя не только зоркость глаза и ловкость линии, но и серьезную начитанность, неведомо откуда явившуюся. Роскошный белоколонный дворец за Невою привлекал его, тот самый, что стоял неподалеку от Кунсткамеры и здания Двенадцати коллегий,— Академия художеств.

Неизвестно, как попал туда Тропинин (одни источники сообщают, что под нажимом родственников графа, почуявших подлинный дар в малолетнем кондитере, другие — что тот кондитер явился на экзамен самолично, рискуя быть очередной раз выпоротым); неизвестно, кто вообще до того научил его держать карандаш в руке, но в Академии он очутился в классе Степана Щукина, великолепного придворного портретиста, чей кисти Павел I, в треуголке и с тростью, уже тогда был признан ценителями шедевром мирового класса.

Итак, Академия художеств, которую, по счастью, не возбранялось посещать крепостным,— черта над первыми итогами: полсотни изобилующих анатомическими ошибками карандашных, на античную тему композиций, десяток эрмитажных копий (большая часть с Рембрандта), «Мальчик с птичкой», наконец, повторение со щукинского портрета Александра I, послужившее, как ходят слухи, поводом к тому, что учитель сильно невзлюбил своего ученика: портрет-копия оказался более совершенен, чем портрет-оригинал.

Наивным представляется это предположение о зависти преуспевающего живописца к своему робкому, пусть даже добросовестному студенту. Их подлинные разногласия — диаметрально противоположные взгляды на искусство: если у первого, профессора и человека придворного, фактически заключенного в классах императорской Академии, живая жизнь была лишь моделью для художества, то для второго, пропитанного запахами полей и лесов, получившего начальные впечатления на деревенских базарах и у московских прилавков офеней перед лубочными картинками,— искусство только тогда наполнялось плотью и кровью, когда повторяло жизнь.

В этой разнице — не только смена поколений, но и начало новых направлений в живописи: даже самый дотошный исследователь не найдет в творчестве Тропинина ничего щукинского, кроме, наверное, благородной гаммы оливково-зеленых и мышиных, коричневых и золотистых тонов, отличающих его лучшие картины, и, наоборот, если где и надо угадывать действительные истоки, то это у Венецианова и венециановцев (на академической выставке 1824 года произведениям Тропинина и Венецианова была отведена отдельная зала). В самом деле, Венецианов попал в центр идейных волнений: одна часть зрителей вычитывала в его холстах ответы на вопрос, что есть крестьянин и как быть с ним, другая, менее глубокомысленная, усматривала напросто точные национальные типы, вылепленные любовной рукою и замечательно артистичной кистью, а также великолепные сцены земледельческого труда и быта, слегка, правда, приукрашенные идиллией. Искусство Тропинина непосредственно примыкало к венециановскому, но внимание с крестьянства передвинуто у него на мелкий городской люд, а серьезность и взволнованность Венецианова заменена чувствительным благодушием, правда, чрезвычайно искренним.

Это благодушие, эти доброта, неторопливость и, главное, терпимость характера (быть может, воспитанная почти полувековым пребыванием в неволе) словно отпечатком присутствуют почти во всех его произведениях, приглушенных по краске, написанных уверенной, но сдержанной кистью. Взгляните на тропининскую стену в Третьяковской галерее, на десятки портретов и жанров — безусловная скромность, неброскость отличает их: палитра глуховатая, бархатная, теплая, но несколько скупая и однородная по составу,— можно сказать, что в продолжение всей жизни Тропинин как художник совершал круговые движения вокруг одной, исходной точки своего творчества, описывая то узкие, ограниченные, то более широкие и отдаленные круги, и хоть открывал в последнем случае интуицией новые области, раздвигал границы своего творческого мира, но оставался все же в определенных и заданных пределах.

В той же Третьяковской галерее среди созданного им находится и автопортрет 1844 года — будто эпилог пути, вернее, его объяснение: в полной, фронтально стоящей фигуре, в добром, спокойном, всепонимающем взгляде полуприкрытых очками глаз, в очертаниях мягкого рта — весь темперамент и хлебосольный тропининский характер, простодушный и чистый. Здесь — и типичная для уже уверенного в себе мастера цветовая гамма: галстук цвета вялого томата, мягким узлом завязанный у ворота белой рубахи, красноватые рефлексы на освещенном лице, тон коричневых панталон — все сгармонировано с оттенком рабочего халата, оттенком, что называли в старину прюн — розовато-фиолетовой сливы, подернутой серою патиной; ему же безоговорочно вторит и смягченная влажная дымка московского пейзажа за окном, и побуревшие от времени кремлевские стены, рыжеватые крыши и купы зелени между ними. Ах, зелень, зелень: какая ж изумрудная была она в дни молодости, на Украйне, в морковской Кукавке!

Считается, что Кукавка, куда сразу же после Академии барин забрал живописца,— вынужденное обращение Тропинина к натуре. Вынужденное иль не вынужденное, но именно Малороссия привнесла в жизнь личного слуги графа Моркова (он был пожалован связкой ключей и амбарною кожаной книгою для ведения экономических счетов, разной провизии и припасов, заполняемой, однако, больше натурными зарисовками пером) некие универсальные черты: Тропинин собственноручно, как зодчий, спланировал здесь церковь, написал для нее большой иконостас, резал карельской березы мебель, сработал множество холстов маслом: выразительные, мужские и женские, украинские типы, как простолюдинов, так и казацкой старшины, которая называла свои портреты «контрфактами». Тут же, в пахнущей еще сырой штукатуркою церкви, вслед за ее освещением, он и венчался на крепостной кукавской девушке Анне Ивановне Катиной, ставшей впоследствии и до могилы моделью для целой сюиты произведений, философически, в своей совокупности указующих на жизнь человеческую: от розовощекой красавицы в тонкой кружевной наколке до морщинистой старушки.

Хоть и изменилось положение Тропинина в связи с проявлением его таланта, хоть занятия искусством уже не встречали препон со стороны барина, клеймо дворового человека жгло его страшно. Вот однажды заезжий ученый француз, гость графа, застает художника в ателье за работой, поражен ею и жмет Тропинину руку. Через час — обед. У крахмального стола, в ливрее и с серебряным подносом — тот же Тропинин; француз вскакивает, хватает порожний стул и принимается, восхищенный, усаживать лакея за графский стол. Все сконфужены.

Но как бы то ни было, здесь, в эти времена начало его звездного часа: «Портрет сына», легкий и свободный этюд, будто возникший с ходу, на одном дыхании, à la prime, мастерски построенный на музыке тонов теплой золотистой охры, отмеченный совершенным и благородным рисунком. И столько естественности, непринужденности, чистоты выражал этот портрет восьмилетнего мальчика в небрежно распахнутой курточке, с лицом, открытым навстречу щедрому утреннему солнцу, что может восприниматься обобщенно — неким знамением обновления, свежести, надежды, которыми жила в конце 1810-х годов вся Россия. Поучительна судьба Арсения, бывшего, как и отец, полжизни крепостным. Когда Тропинин, уже известный и вольный, обитал собственным домом в Москве, сын оставался человеком графа Моркова и посещал родителя только по выходным, но и тут, однако, служил гостям как лакей, ибо родитель имел благоразумие не разделять его жизни и держал в том же черном теле, как и помещик, не желая воспитывать молодую душу в такой губительной для нее двойственности.

Уж кто-кто, а Василий-то Андреевич знал достоинство свободы. Она была как неуловимая дымка, окутывающая реальность. Кто только не просил за него! Генерал Тучков, Аполлон Майков, блистательный Дмитриев, зачинатель первого «музеума» русского искусства Свиньин,— куда там! Дмитриев так и сказал однажды Моркову: «Да вы, пожалуй, дадите ему пирог, когда у него и зубов во рту не будет!» Пирог достался Тропинину к пасхальному празднику 8 мая 1823 года: граф, христосуясь с художником, вместо красного яичка вручил ему вольную — только одному: жена и сын оставались в крепости.

Начало двадцатых годов — это уже тот зрелый Тропинин, который привычен нам: «Портрет художника Скотникова», «Ямщик», «Каменщик

Суханов», «Портрет молодого артиллерийского капитана», «Кружевница». За «Кружевницу» в том же году, в котором и вольную, Тропинин «без баллотировки получил назначение академиком».

«Кружевница» — быть может, самая известная, самая замечательная по краске и линии вещь Тропинина. Русским Грезом назвали его за этот портрет, который, как печатал журнал «Отечественные записки», «найден исполненным не только приятности кисти, освещения правильного, счастливого, колорита естественного, ясного, но обнаруживающим чистую, невинную душу красавицы и «тот взгляд любопытства, который брошен ею невольно на кого-то, вошедшего в ту минуту».

«Кружевницу» можно воспринимать двояко. С одной стороны, ни сильного душевного движения, ни сколько-нибудь серьезной мысли не несет это произведение — лишь полулукавую улыбку, легкий флер обаяния модели, присущие скорее искусству XVIII столетия, чем «железного» XIX; с другой — ее отличает внутренняя увлеченность, творческий порыв, который одушевляет полотно, сообщает красоту и наполненность. Именно этот образ, известный во многих вариантах и повторениях, явился программой Тропинина.

Вообще его женщины занимают в русской живописи особое место: один из первых, если не первый, он увидел и оценил достоинство городской простолюдинки, ее самостоятельное место в миру. Причем интересна трансформация, движение в процессе живописной работы к выявлению идеала: любопытно сравнивать тех усталых и немолодых тружениц, будто навек сросшихся со своими коклюшками и пяльцами на натурных этюдах, с очаровательными молоденькими девушками, глядящими с оконченных картин,— их труд спокоен и радостен, он и есть собственно тема.

Последние годы мастер жил в Москве на средства, доставляемые собственной кистью, не прибегая ни к помощи Академии, ни к сиятельным меценатам. Высокомерный Петербург вообще раздражал Тропинина. Известно, что как-то его все же уговорили писать портрет с одного из столичных аристократов, но, явившись в условленный день в одиннадцатом часу утра, он получил ответ, что барин еще почивает, а по желании ждать швейцар заметил, что ожидание это затянется, так как встает хозяин только далеко за полдень. В тот же день Тропинин уехал домой, иронично заключив, что «в Петербурге спят очень долго, а в Москве до первого часа можно наработаться вдоволь».

На Ленивке он работал не до первого часа, но от зари до темна, то есть пока можно было использовать дневной свет. Всех поражал при относительном материальном благополучии, пришедшем на свободе, скромнейший его образ жизни: Тропинин, навсегда отравленный ужасом лакейства, никогда не брал прислуги, сам отворял двери посетителям и раздевал их в гардеробной, мастерская же (как должно было в те года у преуспевающего модного художника) отнюдь не бросалась в глаза ни цветистостью драпри, ни щегольским мраморным камином, ни мягкою мебелью, ни оправленными в серебро раковинами для сигарного пепла, ни салонными гостями в гороховых или кобальтовых сюртуках, ни фортепиано с золочеными ножками; противоположно — простой березовый стол, два-три стула, мольберт; тишина и уважение к труду господствовали здесь.

В Москве, особо начиная с середины тридцатых годов, он писал действительно от зари до темна: с житейской зрелостью являлись новые сюжеты, вернее, новые оттенки накладывались на прежние мотивы — «маленькие голландцы» XVII столетия привлекают его теперь,— не порыв, не романтический накал чувств, но спокойная трудовая устойчивость, внутреннее средоточение в обыденном. Так появляются вариации на темы прачек, группы женщин, занятых раскроем ткани, сцены гадания на картах, со сбитенщиком, с покупкой яблок у разносчика, стариком, обтесывающим костыль напильником. Так появляются два великолепных непринужденнейших портрета-жанра: «Старуха с курицей» и «Старуха, стригущая ногти» — одно из лучших созданий этого периода.

Но, кроме столь любимых им жанров, которые всегда можно было увидеть выставленными в роскошном магазине Лухманова, оставались еще чистые портреты — основной заработок. Современники утверждают, что Тропининым написано их несколько тысяч, целая галерея людей эпохи, собственно, большой портрет ее самой: первые сановники государства, вельможи, богатейшие московские тузы и ушедшая на покой аристократия, воины и дельцы, крупные и мелкие чиновники, купцы, артисты, художники и крепостные интеллигенты — не только виртуозная живопись мирового класса, но и живая история России первой половины XIX века.

Натуре он был предан душою, советовал постоянно вглядываться в нее и не пропускать ни малейшей подробности в ее игре, называл ее лучшим учителем и призывал «любить ее всем сердцем, и тогда сам человек сделается чище, нравственнее, и работа его будет спориться и выходить лучше многих ученых». И еще: «Не упускайте из виду, что в портрете главное — лицо, работайте голову со всем вниманием и усердием, остальное — дело второстепенное». Тропинин работал свою историю в лицах неторопливо и уверенно; твердость характера и постоянство натуры сберегали его, вера в искусство и презрение к суете и зависти. Когда кто-то пожалел, что в свое время Тропинин не получил вакации в Италию, художник философически заметил: «Может быть, это и к лучшему — будь я там, я не был бы своеобразен».

Он не выпускал из рук палитру до последнего дня долгой своей жизни: когда в мае 1857 года его тело провожали на Ваганьковское кладбище, в мастерской оставался подготовленный свежегрунтованный холст и олифою промытые кисти. Оставалась там и «За починкой белья» — одна из последних вещей, написанная словно завещание. Знатоки спорят до сих пор: одни считают, что картину следует принимать за портрет жены, другие — за групповой портрет всего семейства, третьи — что это просто жанровая сцена, в своей идее как бы доведенная Тропининым до логического конца. Вот она.

Голая, низкая, с простым дощатым полом, натопленная комната; вспышкой — узкий прямоугольник окна, в проеме которого стоит остывший самовар. На столе: железные очки, фарфоровая чашка, стакан для лекарства, плетеная корзинка с нитками и вязаньем, ножницы, починенная простыня. Дряхлая старуха сидит у стола, уронив на колени правую руку. За нею — зеркало в глубокой золоченой раме, оно отражает художника в домашнем халате и ночном колпаке, спиною к зрителю, перед своим мольбертом; на мольберте начатый овальный портрет сына. Все монохромно: белые стены, белая кофта, белый платок на голове старухи, белое белье, белая чашка с едва заметным цветочным узором. Почти одними белилами изображен и художник перед только начатым, еще белым холстом. И трудно тут отделить главное от второстепенного — все спаяно в нечто целое, гармонически нерасторжимое, подчиненное замыслу: эпилог жизни, простой и бесхитростной, прошедшей в труде.

Кто знает, быть может, именно она, эта простая трудовая жизнь, была и провозглашена им на закате дней как самый прекрасный и великий объект искусства.

В гостях у писателя побывал его земляк дважды Герой Советского Союза маршал авиации А. Н. Ефимов.

ВСТРЕЧИ

Все свои долгие годы живет Михаил Александрович на земле северного Дона. В хуторе Кружилине 24 мая 1905 года он родился. В станице Каргинской находилась двухклассная церковноприходская школа, в которой, говоря словами самого Шолохова, «когда-то, давно, я учился грамоте». Со станицей Вёшенской связана почти вся жизнь Михаила Александровича.

Здесь, на бугристом левом берегу Дона, стоит над вольной рекой двухэтажный дом, окрашенный в кремовый цвет, с зеленой крышей, сливающейся с половодьем окрестных станичных садов. Поистине из этого дома виден весь мир, и, в свою очередь, шолоховский дом виден всему миру.

Кто только не шел за последние десятилетия по дорогам, ведущим к Вёшенской: немцы, американцы, англичане, норвежцы, шведы, датчане, финны, болгары, японцы, венгры, поляки... Пожалуй, легче сказать, кто там не был, нежели говорить о тех, кто там побывал. Думается мне, что мысли всех этих людей очень полно и очень хорошо выразил венгерский поэт Ференц Барани. До глубины души тронутый тем, что он увидел и услышал на шолоховской земле, Ференц Барани сказал:

— Мы, венгры, хорошо знаем, что Дон впадает в Азовское море. Но мы просим принять нашу поправку: Дон впадает в наши сердца. Так велико наше уважение к творчеству Михаила Александровича Шолохова.

В один из октябрьских дней нынешнего года в Вёшенскую к Михаилу Александровичу приехал член Центрального Комитета нашей партии, первый секретарь Ростовского обкома КПСС Иван Афанасьевич Бондаренко.

По поручению ЦК КПСС И. А. Бондаренко вручил дважды Герою Социалистического Труда Михаилу Александровичу Шолохову Почетный знак «50 лет пребывания в КПСС». Вручая знак, И. А. Бондаренко сказал:

— Полвека назад, при получении партийного билета, вы, дорогой Михаил Александрович, сказали: «Я буду высоко хранить и нести звание члена Коммунистической партии». Сегодня все мы свидетели того, что вы свято верны великому ленинскому делу. Вся ваша активная, многогранная деятельность в рядах нашей партии — это подвиг коммуниста-ленинца во имя советского народа и любимой Отчизны. Для нас, коммунистов Дона, особенно дорого то, что вы, дорогой Михаил Александрович, начинали свой жизненный и творческий путь, росли и мужали в нашей областной партийной организации.

Эти слова подтверждаются всеми делами М. А. Шолохова и в годы войны и в годы мира, всей его жизнью, каждым его шагом. Только за последние десятилетия с именем коммуниста, депутата Верховного Совета СССР Шолохо-

С ШОЛОХОВЫМ

ва в Ростовской области связаны строительство канала Волго-Дона и создание Цимлянского моря, развитие на Дону орошаемого земледелия, рождение одного из крупнейших в стране, Шахтинского хлопчатобумажного комбината, сооружение уникального Волгодонского завода энергетического машиностроения имени Л. И. Брежнева, организация Северо-Кавказского научного центра, сохранение и приумножение богатств донского края. Трудно переоценить вклад коммуниста М. А. Шолохова в развитие культуры Дона, становление и творческий расцвет областной писательской организации, нареченной Шолоховым «донской литературной ротой».

Приняв Почетный знак «50 лет пребывания в КПСС», Михаил Александрович сердечно поблагодарил за теплые слова в его адрес. Он выразил глубокую благодарность Коммунистической партии за высокую оценку его деятельности. Шолохов сказал, что как писатель-коммунист он всецело связал свою творческую и писательскую судьбу с ленинской партией, родным народом, любимой Отчизной и избранному пути он будет всегда верен.

* * *

В октябре на Дону очень широко отмечалась пятидесятая годовщина выхода в свет романа «Поднятая целина». В Ростове состоялась научно-теоретическая конференция, в которой, помимо донских писателей и ученых, приняли участие видные писатели и филологи Москвы, Ленинграда, Украины и других городов нашей страны. На Дону побывала и группа известных советских артистов, снимавшихся в кинофильмах, созданных по произведениям М. А. Шолохова.

Волнующей и проникновенной была встреча с талантливыми артистами, создавшими яркие, неповторимые образы героев шолоховских произведений. С той поры, как вышли на экраны «Тихий Дон» и «Поднятая целина», прошли десятилетия, возмужали донцы, окрепли духовно и материально, похорошела, преобразилась шолоховская земля, и сегодня герои знаменитых произведений по-прежнему с нами, вместе живут, борются и побеждают.

Как во второй половине девятнадцатого века и в первое десятилетие нашего века литературные пути-дороги вели на тульскую землю, в Ясную Поляну, ко Льву Николаевичу Толстому, так и в наши дни литературные дороги ведут на донскую землю, в станицу Вёшенскую. И кто бы ни побывал у М. А. Шолохова — маршал и писатель, рабочий и секретарь райкома,— все уносят в своем сердце высокое чувство преклонения перед талантом замечательного художника и гражданина.

Михаил АНДРИАСОВ
Фото В. Чумакова

Артисты П. Глебов и П. Чернов беседуют с М. А. Шолоховым.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

Конкурс «В семье единой», объявленный в год шестидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик, закончился.

За это время редакция получила и опубликовала интересные материалы, авторы которых — читатели журнала — рассказывали о героическом прошлом нашей Родины, о ее сегодняшнем дне, о замечательных людях разных национальностей, чья братская дружба способствовала процветанию нашего многонационального государства на всех этапах его большого пути.

Редколлегия и жюри конкурса сердечно благодарят всех, кто принял участие в конкурсе, и представляют победителей 1982 года.

Первая премия — подписка на журнал «Огонек» с приложением присуждается:

О. Ф. Соляник («Четыре поколения семьи Соломко», № 33).

Вторая премия — подписка на журнал «Огонек» присуждается:

И. Г. Ермакову («Вас помнят, герои!», № 36),

В. А. Ладейщикову («На земле Кубанской», № 51).

Все участники конкурса получат памятные дипломы.

КНИГА ОБ ОТЦЕ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Лариса ВАСИЛЬЕВА

РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

ИСТОРИЯ ПОДКИДЫША

(Пленка)

— Мама,— сказал сын звонким, еще ломким голосом,— значит, книжки про дедушку не будет?

— Значит, не будет.

— Жалко.

— Чего тебе жалко?

— Здорово было бы — книга про деда с фотографиями. Потом — доска на доме: «Здесь жил и работал...»

— Да он же не писатель, чтобы дома работать.

— Ну, «жил». Жалко. А кому ты отдашь его пленки?

— Какие пленки?

— Ну те самые, с его голосом?

— ???!!!

Хитрый, понял, что она в самом деле не имеет о них понятия.

— А что мне будет? А что мне будет? А что мне будет, если их найду?!

— Андрей! — Мальчик был назван по желанию деда в честь Андрея Холодова.— Немедленно объясни, какие пленки?

— Ты все забыла,— он увидел, как она волнуется,— помнишь, бабушка была в больнице, ты уезжала. Мы оставались с ним вдвоем. Он был грустный-грустный. Ты дала ему кассеты и сказала при мне: «Садись и говори, что в голову придет, о своей жизни — потом понадобится».

«Неужели я была такая умная?» — подумала Инна и смутно вспомнила тот эпизод.

Четыре кассеты. С его голосом. Так легко снова услышать его. Попросила мужа:

— Сядь со мной, я что-то боюсь включать.

Он сел, но она раздумала:

— Не нужно, хочу одна.

Села в одиночестве. Пять лет не слышала его голоса. Сейчас он заполнит комнату удивительной иллюзией. Станет больно.

Она включила магнитофон:

— Здравствуй, дочка! Зачем тебе нужно было засадить меня за это дело, не знаю, но, пожалуйста...

Пленка затрещала, зашуршала. Голос был чужой, хриплый, мало похожий и, наверно, от этого никакой боли в сердце не вызвал.

— Помню, нашли мы с Вовкой на земле полушку — радости было! Я размечтался: куплю три конфеты на копейку — себе, Вовке и Андрюшке. Стою, разглядываю полушку, вдруг чья-то тень:

— А ну, дай сюда!

Гляжу, пастух — он пас коров: со всего городка их к нему сводили. Дал я ему полушку, он ее в карман и мне:

— Иди своей дорогой. Матери скажи, чтобы так далеко от дома не пускала.

Ох, обидно было до слез... Иду, чуть не плачу, навстречу мне Лука Митрофанович, дядя Лука, муж материной сестры. Сказал я ему про полушку.

— Прав,— говорит,— пастух, нечего в поле одному бегать. Пойдем ко мне.

Я обрадовался. Лука Митрофанович Федорец был на все руки мастер — и ведра делал из железа, и бочки, и часы чинил. Любил я глядеть, как он работает. У самого руки чесались. Иногда он давал мне припаять что-нибудь. Особое удовольствие было смотреть, как он часы чинит. Придя от дяди, я все норовил что-то в собственном доме сделать. Однажды нашел молоток, взял гвозди и стал в пол их вколачивать, аккуратно так, рядышком в середину половицы — раз, раз, раз. Мать вошла и обомлела. Влетело, конечно.

Долго злиться не умела, посердится и приласкает. Даст обед, скажет: «Снеси отцу». А мне только этого и нужно. Бегу — боюсь пролить.

Отец на маневровом паровозе работал, я по свистку узнавал, в каком месте его паровоз находится. В паровоз я влюблен был — он и снаружи что надо, а уж внутри! Отец разрешал мне уголька в топку подбросить, свисток дернуть, а однажды, стоя за моей спиной, дал мне управление. Стою, десятилетний, веду этого зверя. А чувство такое, что я громадный, сильный — и нет мне преград. Да, на этом-то я и погиб. Когда школу окончил, собрала меня мать в большой город ехать: я знал твердо — буду поступать в железнодорожный техникум.

Вокруг нас жили тоже железнодорожники — скотину держали, птицу, цветы разводили, к розам у меня с тех пор пристрастие — отец их любил.

А еще мы всей семьей петь любили, играть. На чем только не играли! Отец с матерью в два голоса, красиво так пели старинные песни русские и украинские — он был запорожский казак, а ее родители куряне. Как я подрос, стал играть на гитаре, мандолине, на скрипке. Потом пошел в духовой оркестр. И Вовку, младшего, за собой потянул — он способный был, хоть и маленький. Вовка играл на кларнете, а я на трубе.

Все это отошло, как уехал учиться. И жалел я первое время, скучал по своему городку, по песням нашим, по садику, по куриному раю. По матери скучал очень. Жить в большом городе пришлось нелегко, сам решил, заработаю. Ходил грузить овощи, доски — что попало. Очень здорово нагнал себе бицепсы. Первые года два я только и ждал каникул, чтобы домой вернуться, тем более что там зазнобушки оставались. Были у нас девушки, сестры Янские — Мария и Вера — одна другой краше. Я с Марусей гулял, но уехал, а это такой товар, что как уезжаешь от него надолго, он идет в другие руки.

Помню я человека одного, забыть не могу, соседа. Киприан Осипович — мастер на все руки, охотник. Однажды на охоте поранил он себе ногу, она почернела, и пришлось ее оттяпать. Ходил он на культяшке. Мотоциклы и велосипеды чинил — долго после беды с ногой своего мотоцикла не продавал, словно надеялся, что новая нога вырастет. Летом, перед заходом солнца, в пору, когда скосят просо, он брал нас, ребятишек, с собой в поле. Солнце было огромное, красное, и я все не мог оторвать от него глаз, пока оно не садилось, но при этом исполнял все приказы Киприана Осиповича. Мы натягивали сетку, он брал в руки манок и начинал зазывать перепелов:

— По-па-дем... по-па-дем... по-па-дем...— Когда перепел подойдет, его видно, как идет — сетка начинает колыхаться,— он на манке уже другое наигрывает:

— Ха-ха-ха-ха!

Но не звонко, а глухо так, не хохочет, а прихохатывает.

Водил нас Киприан Осипович на охоту с собачкой. В голодуху он вел дворовую охоту — тогда есть совсем нечего было, а у него три собачки на иждивении. Вот он и сбивал галок, грачей. Мы, ребятишки, их ему ошпаривали, общипывали, делали солонину. Сами ели и собачкам в похлебке скармливали. Всех трех собак Киприана Осиповича как сейчас помню: одна была Яшка, сучка,— очень нас с Вовкой любила, встречать выходила за квартал. Вторая — грубошерстная такса.

Третья собачка была натаскана на боровую дичь. Я целыми днями пропадал у Киприана Осиповича и чем старше становился, тем интереснее мне было смотреть, как он велосипеды чинит. Он работал на веранде, за верстаком с аккуратными слесарными тисочками. А какая у него была мастерская — чего только там не было!

Ходили мы с отцом и Киприаном Осиповичем на рыбалку, в родную деревню отца Катериновку, там был пруд помещика Леонова, уже заброшенный, и в нем ловили карасей. Ловили мы «хваткой» — крест-накрест две дуги и сетка, а в середине—грузило. Десять—пятнадцать штук обычно приносили матери, а она нам их в сметане...

А еще я рисовать учился—это уже постарше был. Мать даже деньги художнику платила: ей хотелось детям как можно больше всего дать. Но что-то не пошло. Целый месяц карандашом срисовывал я бюст Сократа, и выходил он у меня на лисицу похожим. Художник смеялся, вернул матери деньги и сказал:

— Парень с крепкой рукой. Чертить будет хорошо, а рисовать ему не надо.

Помню я другого соседа, фельдшера Николая Алексеевича Корниенко,— работал он в земской больнице и дружил с отцом. Особенно запомнилось, что его чуть не каждую ночь с постели к больным людям поднимали, и он безотказный был. К нам прибегает просто так — все ли здоровы? На всю жизнь запомнились мне его слова:

— Поступай с людьми так, как хочешь, чтобы они с тобой поступали.

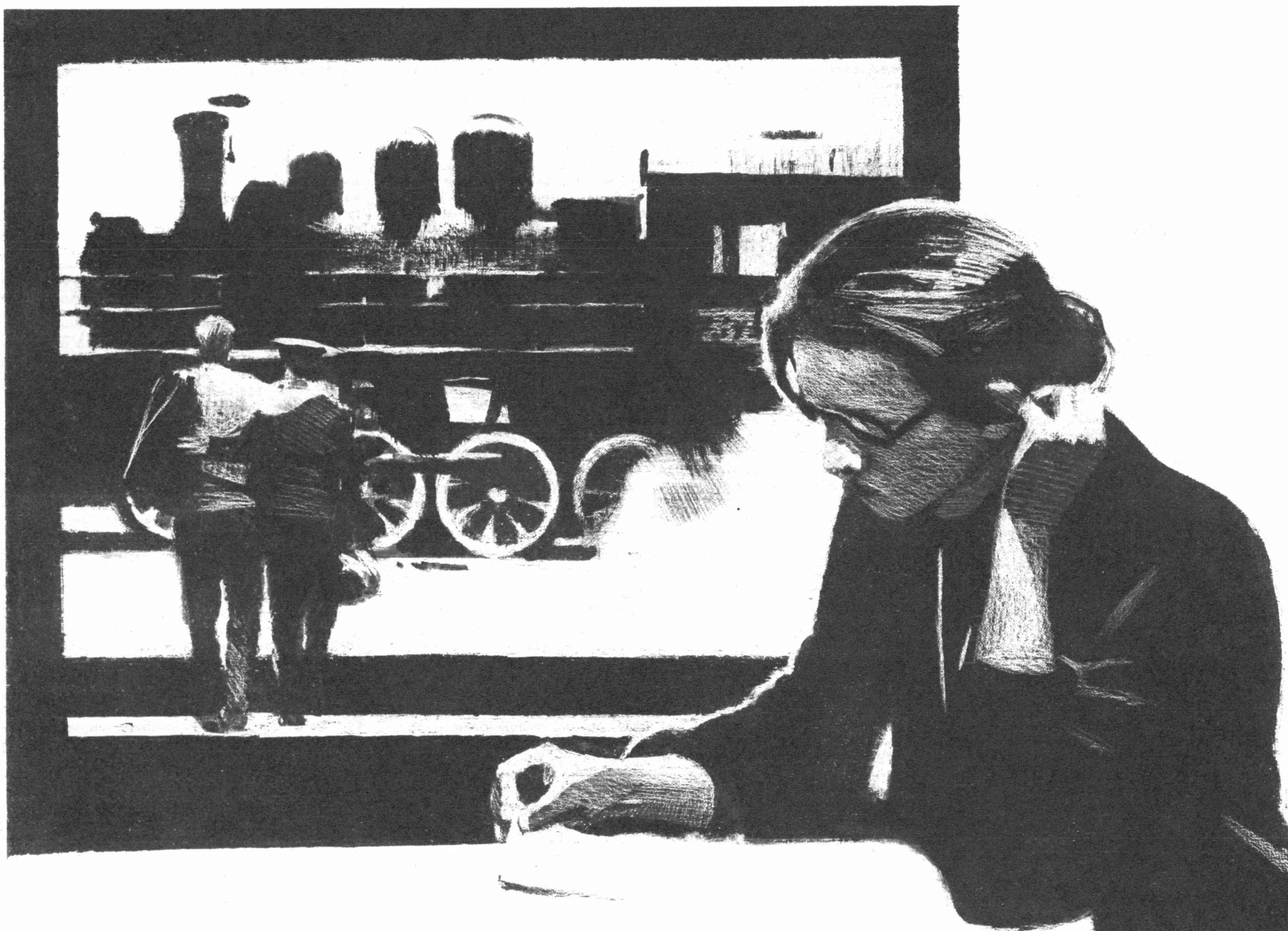
Отец очень любил животных: яичко курочка снесет, кудахчет — он устал, не устал, вскакивает, бежит, приносит еще теплое. Задумалось ему — лошадку. Зорькой звали. Красивая, со звездочкой во лбу. Нервная. Строго настроенная. Поехали мы, ребятишки, купать ее, еле выпросили у отца, он не давал. Сели Андрей, Митя, Степа, еще ребята. Вовку не взяли—он совсем еще зернышко был. Выехали на дорогу, и чего-то испугалась наша Зорька, понесла. Ребята с телеги посыпались, как горох. Я соскочил последним, смотрю, она заворачивает в чей-то двор к амбару. У амбара арбу чинили, возле арбы макотра стояла, в макотре ребенок сидел. Я обомлел. Она прямо на макотру. Мать еле успела ребенка выхватить. Лошадь через двор и на соседнюю улицу. Я задом, задом, обогнул дом и тоже на соседнюю улицу. Смотрю, Зорька во двор к нашей тете, отцовой сестре Домахе, заскочила и остановилась. Та ее узнала, гладит, что-то говорит. Тут подбежали те люди со двора. Чья лошадь? Вроде Кочерно? Его. Пускай он, говорят, нам за разбитую макотру заплатит. Отец заплатил и меня не ругал. Он вообще редко ругался. Если подлость какую намеренно сделаешь,— ругался. Однажды мы, ребята, в панютинском пригородном поезде окна побили — так влетело мне, до сих пор помню.

Не забыть мне, как мы на Зорьке по снегу катались. Раньше снег был не в пример снегам сейчас — мы по снегу и верхом и на санках. А весной из-под снега голубые цветочки, потом все зазеленеет — ландыш выскакивает.

Красивые места у нас были. Особенно я это ощущал, когда стал брать меня отец на сенокос в Светловщину, далеко за женским мона-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 41—46, 48—51.

стырем. Отец учил косить — нравилось мне это, и еще любил я учитывать, сколько скошено. А лучше всего бывало вечером, когда все садились вокруг кондера, сваренного на костре пшенного супа с курицей. По ночам на сенокосе меня пугал и завораживал сыч: то плачет, то смеется, то гогочет. Я долго не мог уснуть, и сны снились тревожные, утром снова косой жжик, жжик, и кондер в глиняной миске с куском хлеба. Возвращались на телеге, мы, ребятишки, на самом верху огромного стога. Брал меня отец на молотьбу. На окраине нашего городка мужик держал молотилку, все молотили у него хлеб. Мать моя сама пекла хлеб, покупать не любила. После молотьбы всегда оставалось много соломы, мы устраивали в соломе лазы, лабиринты. Я однажды полез в лабиринт и заплутался — выбраться не могу. За ноги вытаскивали.

Возил меня отец и на баштаны: мать на зиму засаливала арбузы — покупали воз и солили. Дыни мать вялила на солнце. Приедем с отцом на баштан — там дед-сторож, один на огромный баштан, много не усторожит, а все же сторож. Пойдет он, выберет мне самый крупный, самый красный, взрежет ножом и ложку даст — сижу выгребаю.

Когда молотилка начинала работать, я забывал обо всем на свете: глядел, как раскручивается нефтянка, возникает шар яркий до цветов побежалости, натягивается ремень, включается трансмиссия. А больше того любил, когда двигатель остановится на обед, все уйдут от него, я хожу вокруг, разглядываю. Техника тянула очень сильно. С ранних лет. Помню, отец взял меня на маслобойный завод. Увидел я, как любимые мои семечки лущились, поднимались на бегунках, потом сами укладывались на жаровню со скребком и нефтяным факелом под нею. Рядом стоял пресс. Вылущенные и поджаренные, семечки набирались в плотную мешковину, и под пресс. Отец дал мне кусок хлеба, я подставил его под струю горячего масла. Пока никто не видел, схватил с жаровни вылущенные семечки, и в карман. Еще, еще: дома у меня вон сколько народу — Вовка, Андрюшка, Степа, Митя. Полный карман нахватал. А как вернулись домой, мать смотрит на меня: «Что это у тебя за пятно вокруг кармана?» Семечки горячие, масло пустили — куртка испорчена. С того раза повадились мы на маслобойку всей компанией — вход туда был свободный, детям не мешали: входи, гляди.

Я говорил тебе, механизация тянула меня с детства, вот и на всех инструментах играл, и рисовать пробовал, а как крикнет Степа: «Бронепоезд пришел!» — все бросаю, бегу на станцию. В девятнадцатом. За мной вся ребятня-комарня, а мне все эти винтики, гаечки так нравятся, потрогать тянет, попробовать. Я часто убегал за депо, где стояли холодные паровозы — починки ждали. Лазил, внутрь забирался, под паровоз норовил.

И ходил туда, кроме меня, старый машинист, он был на пенсии, скучал по своему делу. Вижу, он идет, спрячусь, наблюдаю. Он поднимется наверх, в топку заглянет, рычаг переменны попробует, за свисток подержится, но не дернет. Хода подтянет. Спустится, сядет на рельсы рядом с паровозом и плачет. А тот стоит, такой огромный зверь, как будто жалеет его.

В детстве я много читал, но чтение это было сомнительное. Так теперь говорят, а тогда мы не сомневались — зачитывались — Нат Пинкертон, Рокамболь, Арсен Люпен, Шерлок Холмс. Помню, долго валялась у меня книжка «Палач города Берлина». Эти приключенческие книжечки стоили семь копеек. Мать даст гривенник на завтрак в школу — иногда и не позавтракаешь, если книжка нужна, отложишь. А если уж очень не терпелось почитать, брал книжку на прочтение за пять копеек. Читал обычно у Мити на чердаке. Он тоже любил эту литературу. Мать, бывало, ищет меня, а я слышу — оторваться не могу. Она сердится, но не сильно. Наказывали меня редко. Я противный был, прощения просить ненавидел. Вовка, тот ласковый: «Не буду, прости, мамочка, папочка». А я ни в какую. Меня в угол — засыпал на коленях.

После семилетки отправился я в большой город в железнодорожный техникум поступать. Подготовка в нашей трудовой школе была слабая, и приняли меня на подготовительный курс техникума. Андрей со мной поступал. Большой город меня ошеломил. Все не как дома. Денег свободных не было, мы пешком в техникум ходили через центральную площадь. На площади в те годы стоял на постаменте танк «Рикардо». Мы с Андреем увидели его и застыли. Час стояли. Потом всегда ходили мимо него, останавливались, все детали рассматривали. Тянул он к себе магнитом.

Жили мы на квартире у знакомых наших родителей, столовались там же. Учились хорошо, легко, как-то быстро оба наверстали упущенное — перешли на первый временный курс и рванули домой.

Так радостно было домой вернуться. Вовка от меня не отлипал. Практики в этом году не было, и мы с Андрюшей проболтались все лето. Митя быстро от нас оторвался — его се-

стра в Москву вызвала. Он нам писал, но недолго. Вернулись мы осенью в техникум, устроились на новой квартире, подешевле — у родителей наших туго с деньгами было, особенно у Андрюшиных. Стали ходить на разгрузку: фрукты разгружали, бочки с пивом, доски — это давало за воскресенье рублей пять-шесть-семь. Деньги немалые. Шли на галерку в оперетту. Андрей ее терпеть не мог, из-за меня терпел.

Окончив свой первый временный, отправились мы на практику в депо, на Украину, в громадное депо. Там учились водить паровозы. Там-то я вспомнил отцовские уроки. Пригодились.

Утром вскакиваем, плеснем в лицо воды, и на паровоз. Машинист тут. Трогаемся. Дел уйма, успевай поворачиваться. Где-то через час после отхода паровоза машинист говорит: «А ну, Микола, сделай то-то». А у меня, как назло, живот подвело, хоть кричи. Машинист видит, что парень сам не свой и, представь, без слов понимает. Перед ним уже сколько таких салежат прошло. «Возьми — говорит,— лопату, зайди за топку, и с богом. Потом лопату в печку сунь — отмоется». Я гляжу. Как столб стою. «Ну, что,— говорит,— мне из-за твоей задницы паровоз посреди поля останавливать?» Я сделал свое дело и все, как он велел. Сунул лопату в топку, огонь все уничтожил — лопата чистым-чиста. Проходит еще время, а мы с Андрюшей голодные, с утра не ели. Машинист тоже, видно, проголодался. «Возьми,— говорит,— Микола, мой узелок, там мне женка яичек и сала положила, сваргань яичницу на лопате». «Как,— говорю,— на лопате?» «Так,— говорит,— на лопате. Если сам собой брезгуешь — еще разок лопатку сунь в топку, обожги».

Эх, дочка, чего я в жизни ни едал, а не было слаще той яичницы на лопате. Я сало разрежу, яйца разобью, и в печь. Выну — она шипит, сало брызжет, хлеб макаешь в нее и ешь. А паровоз летит. Вот как было.

Учились мы на третьем курсе техникума, когда его преобразовали в институт инженеров железнодорожного транспорта. Как раз в это время Андрюша и бросил его, решил идти на завод, в цех. Я поначалу его отговаривал — мы бы вместе без родительской помощи продержались, но он упрямый, как решил, так и будет. На заводе ему нравилось, стал зарабатывать, на меня свысока посматривать. «Без тебя,— говорит,—скучно, а так хорошо». Мне тоже без Андрея в институте как-то серо стало.

Окончил институт и хотел идти в железнодорожное депо для прохождения работ на паровозе, однако в управлении железных дорог мне сказано было ясно:

— У нас для вас работы нет. Иди, парень, сам устраивайся.

И тут инженер один знакомый говорит:

— Ты еще военно-производственную практику не проходил?

— Нет!

— Пройдешь у нас. Хочешь, к нам на тракторный завод в группу танкового проектирования?

Я задрожал. Во-первых, вспомнил танк «Рикардо», а во-вторых, тракторный, это же где Андрей работает!

— Хочу!

Так я стал танкостроителем. Бюро было малочисленным. С самого первого дня стал я тащить в бюро Андрея. Тот не упирался. Начальник КБ попробовал Андрея, видит — голова светлая, взял. Так мы соединились, уже навсегда. Работали с увлечением — дело новое, спросить некого, зато уж и воображение работало. Через год три наших легких танка были отправлены в Москву на парад. Надо сказать, они там хорошо осрамились. Нет, по Красной площади прошли в порядке, не придерешься, а как только площадь миновали — один танк загорелся, второй остановился, заглох, третий не подвел, мог двигаться.

На ошибках, говорят, учатся, стали мы доводить эту машину до ума и, как могли, довели, она у нас «Вихрь» называлась. Ей пришлось повоевать и на Халхин-Голе, и на озере Хасан, и когда Западную Украину и Белоруссию освобождали. Ничего, не жаловались на нее танкисты.

Одновременно с ней начали мы разрабатывать конструкцию колесно-гусеничного среднего танка. Конечно, с машинами хлебнуть горя пришлось — оборудования для них не было, броневых листов не хватало, делали железные, а чтобы при ремонте можно было заменить на броню — если будет она, на железном листе делали литую пометку, букву «Ж». Так это «Ж» меня раздражало.

Был я в командировке на заводе в другом городе — завод нам броню должен был поставлять, а все не ладилось: мы разные плавки пробовали, составы меняли. В то время приехал на этот завод Косиор. С ним отец Кати, Власий Саввич, он у него поваром работал. Я спрашиваю отца:

— Как думаешь, если я к нему подойду, попрошу в нашем деле помочь,— поможет?

— А как же,— говорит,—только не вздумай сказать, что ты мой зять.

Я и не собирался. Подошел и с места в карьер стал описывать наше положение с танком. Оно правда было тяжелое, а я еще сгустил, пусть, думаю, другого случая не будет, а он поставлен высоко, чтобы самые сложные вопросы решать. Власия Саввича при том разговоре, конечно, не было, но ему донесли, что разговаривал я нагло, требовал, возмущался и вообще вел себя вызывающе. Отец заволновался, вечером даже осмелел — Косиора спросил, а тот вроде моей наглости не заметил. Танки с буквой «Ж» стали возвращаться на завод для переделки. А тут новая беда — стали ломаться конические шестеренки в коробке передач. Укрепляли, как могли,— не выходит. Состояние у нас всех в КБ жуткое. Понимаем — нужна новая коробка передач. Объявили конкурс по КБ — кто сможет. Несколько человек откликнулись — не то. И вот тут-то мой тихоня Андрюша вылез. Нет, не вылез, я вытащил. Он мне тихонько:

— Коль, посмотри, я тут кой-чего нарисовал.

Я в руки брал — чувствовал,— здесь истина: у Андрея голова светлейшая, всем фору даст. Коробка передач была найдена.

Вот так мы жили, дочка, не помирали, радовались удачам, счастливы были. Директор завода к нам пришел года за три до войны, Маринин — уникальная личность, всем взял: и ум, и талант, и чего только в нем не было. Придешь к нему с вопросом, а уходишь, как на крыльях летишь. Вот кого я любил. И по сей день люблю. Умру за него.

Наш «Вихрь» вихрем пошел. В первый год мы для парада трех калек сделали. На второй год уже четыреста штук. Хороших. На третий — около тысячи. Завертелись вокруг нас заказчики — армия перевооружалась.

Сейчас много народу ходит, расспрашивают, пишут, все кого-то одного самого-самого главного конструктора ищут. Если разобраться — тогда не было его. Вот «Вихрь». Один занимался трансмиссией, другой — ходовой частью, третий — двигателем, четвертый — компоновкой башни. Я занимался корпусом и башней.

Если подумать, всегда меня тянуло то дело, в чем мне потом равных не было,— перевод машины с листа ватмана на металл, то есть связь КБ с производством. Живая работа — как раз по мне.

Итак, разрабатывая по заказу армии проект среднего колесно-гусеничного танка, пришли мы к выводу, что танк будущего должен стоять на гусеницах. Только на них. Колеса нужны танку на хороших асфальтированных и булыжных дорогах. Но смогут ли наши заказчики предоставить танку такие дороги? В условиях войны? Смешно. Комбинированная машина? Размышляем. Гусеница в колесно-гусеничном танке, как выразился тогда Митя Слепов,— это калоша на ботинке, необходимая в слякоть и грязь. Перебей у колесно-гусеничного танка гусеницу — он на колесах по грязи не пройдет. А ведь доля танка — идти, не зная препятствий,— это в идеале. Зачем тогда ему колеса? На колесах и автомобили хорошо ходят по гладкой дороге. Раз колеса не нужны танку, то нужна ему только гусеница. Но ходовая часть танка должна быть абсолютно надежна, а гусеницы быстро изнашиваются. Ну, это уже дело ума конструкторов. И металлургов.

Вот так мы сидели с Андреем и рассуждали. Решили бесповоротно — предлагаем чисто гусеничный вариант.

Легко было сказать, да трудно сделать. Тем более что задание у нас было другое — колесно-гусеничный танк среднего типа. И все же уверенность наша была полная, и мы начали проектировку новой модели. Дело шло одновременно с работой над заказной моделью.

В это время к нам пришел Векшин на роль Главного. Он прибыл из Москвы. Говорили, еще до его прихода, что сам Ворошилов с ним на дружеской ноге. Мы с Андреем Векшина встретили настороженно, вернее, проверку ему устроили — сразу, с ходу под нос ему наш сумасшедший проект. И он с ходу в него влюбился. Идей нам новых дал кучу. Тут уж не было сомнения — сработаемся.

Через год оба проекта поступили на обсуждение Совета Обороны. Основной наш проект приняли хорошо, с доделками, а гусеничный вариант посчитали бредом. Векшин добился того, чтобы мы одновременно делали два варианта.

Легко сказать, а насколько сложно одновременно делать две машины, принципиально разные. Работали мы как звери. Окрылены были. День, ночь—все смешалось, перевертелось, одно в голове было—машина, гусеничная машина, наша революция в танкостроении. Особенно любили мы с Андреем в то время друг друга выверять: как машина возьмет жесткое препятствие? Как она из болота выйдет? Я загоняю макет в болото, Андрей мне козни строит, чтобы я выбраться не мог. И вместе ищем выхода. Как найдем — к Векшину. Он смеется:

— Дети вы еще, право, дети.

Он нас постарше был. И тоже начинает играть, увлекается.

Игра игрой, а помогла нам эта игра. Очень многое мы в ней предусмотрели и предупредили. Приготовили опытный образец, послали его на испытание вместе с заказной машиной. Тогда-то с векшинской легкой руки и пошло у нас: «подкидыша» сделали. Как там наш «подкидыш»? Мы, когда первый образец «подкидыша» еще в макете делали, все мелочи старались предусмотреть — где цепляет голову, где ногу трет, где комбинезон может зацепиться. Мне чаще всего приходилось лазить в макет — рост, слава богу, 189 сантиметров, если мне будет удобно в танке, человеку поменьше — тем более. Послали мы, значит, два разных образца и замерли. А нам никакого ответа. Потом узнаем, что послан наш «подкидыш» на испытание вместе с тяжелыми и другими средними танками. Испытания он прошел отлично. Проделал все манипуляции, положенные своему легальному собрату среднему колесно-гусеничному танку, выполнил программу тяжелых танков и кое-что от себя на гусеницах показал.

Мы делали его с претензией на универсальность: вооружение у него, как у тяжелого танка, скорость больше, проходимость лучше. Одно было слабое место — броня. С броней нам один академик помог, и мы стали неуязвимы. И вот получаем задание — сделать два опытных образца «подкидыша» с учетом всех пожеланий и рекомендаций. Это была самая серьезная работа. Сколько смежных профессий пришлось привлекать, новую группу технологов создали, вооруженцев, оптиков привлекли. Дорабатывали все вместе — другие заводы помогали, все танковые КБ болели за нас. Много помогли конструкторы тракторного, так что наше тройное авторство по совести можно было раз в двадцать увеличить.

И вот мы эти два танка выносили, вылизали, обсосали каждую деталь, а как готовы были, Векшин их в Москву повез. Была суровая зима, танки попадали в кюветы при поворотах, но ничего, обошлось. Векшин в дороге простудился. Нас с Андреем не взял. «Кто-то,— говорит,— должен в лавке оставаться». Танки пришли в Москву, их подремонтировали на заводе. Перед испытаниями показали правительству на Кремлевской, не на Красной, а на Кремлевской площади, там, где Царь-пушка стоит. После осмотра их отправили на всесторонние испытания и дали там жару. Но они все выдержали. Вскоре «подкидыш» был принят на вооружение.

Все это легко, конечно, говорится — делать было трудно. Гитлер стоял у ворот со своей ордой, умер Векшин, началась война —бомбежки, затемнения, рытье щелей для укрытия. В августе началась эвакуация, и меня назначили начальником самого первого эшелона. Я вез семьи тех, кто накануне улетел на Урал принимать завод, тех, кто остался закрывать

«ОГОНЕК» В ГОСТЯХ У ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Сотрудники и авторы нашего журнала стали гостями очередной литературной среды, состоявшейся в Ленинградском Доме журналистов. В канун празднования 60-летия образования СССР они выступили с творческим отчетом перед работниками местных газет, издательств, журналов, радио и телевидения.

Тепло приняли собравшиеся выступление автора известных книг о Суворове, Державине, Куприне писателя О. Михайлова, поэтов Л. Васильеву, Е. Антошкина, прочитавших свои новые стихотворения. Проблемам охраны памятников отечественной культуры посвятил свое выступление заведующий отделом критики и библиографии В. Енишерлов. Корреспондент «Огонька» Ф. Медведев познакомил ленинградских коллег с историей одной из последних находок редких изданий пушкинской поры. Большой интерес вызвало сообщение автора «Огонька» московского исследователя И. Чарковского о разработанной им методике родовспоможения в воде и плавания грудных детей.

Встречу вел заместитель главного редактора «Огонька» С. Высоцкий.

Во встрече приняли участие заведующая отделом массовой работы и писем В. Морозова и собственный корреспондент «Огонька» в Ленинграде О. Петриченко.

Редакция выражает благодарность за участие в вечере исполнителям старинных романсов и русских народных песен Л. Игнатьеву и В. Стабурову.

Фото Ю. Щенникова

производство и совершать необходимые взрывы. Со мной были все чертежи нашего КБ, конструкторы, технологи, металлурги, квалифицированные рабочие. Уникальное оборудование было в эшелоне. Ехали одиннадцать дней. Дорога тяжелая, пережили налет. И пожар. Продукты завод запас из дому, по дороге нечего было купить — один раз возле Красноуфимска удалось достать хлеба. Три беременные в эшелоне. Я ходил, умолял: «Девушки, потерпите до места, ну что вам стоит!» Посмеивались: «Потерпим». И все же одна разродилась. После Казани была станция Канаши. Врач эшелона Аркадий Клавдиевич, приятный такой был, интеллигент, в твою мать влюбленный, все в нее влюблялись, говорит мне перед Канашами: «Жена начальника модельного цеха больше терпеть не может. Это природа. Нужно готовиться».

Я обошел весь эшелон — нет ли акушерки. Нашлась одна — когда-то роды принимала, уверила, что помнит. Как только прибыли мы в Канаши, я побежал к дежурному по станции с просьбой не переводить мой состав на сортировку, а отогнать на запасный путь. Достали мы две чистые простыни, освободили одну теплушку, набрали воды, и я всех выгнал. Остались роженица, акушерка, доктор, и я в уголке съежился. Впервые в жизни умираю со страху. Ведь если что случится, я за все в ответе. Почему не сдал ее на станции в больницу? А посуди, как я мог ее сдать: кто ее потом заберет, как она до места с новорожденным доберется? Что мужу скажу, если что случится здесь, в теплушке? И вот девчонка закричала. Я шутя назвал ее Канашка. Встретил ее два года назад, и вправду канашка, хорошенькая, уже сама мать, дочку растит.

Поехали дальше — новая беда: скарлатина. Двое детей заболели. Как изолировать? Освободил половину вагона с чертежами — поселил больных. Слушок пополз по эшелону, люди стали роптать: «Вот он нам и всех наших детей перезаразит, нужно сдать больных на первой же станции, чтобы обезопасить весь эшелон».

Громче, громче, громче! Да как же я могу вышвырнуть мать с больным ребенком? Вся страна движется на восток. Не поленился я пройти по всем теплушкам и в каждой сказать:

— Если кто скажет за пределами вагона, что у нас больные дети, своими руками вышвырну.

— Тебе хорошо! — крикнул кто-то.

— Что́ мне хорошо, я каждый день в контакте с больными детьми, могу своему ребенку любую заразу принести. Как видите, мне так же хорошо, как вам. Даже лучше.

Молчали. Дети благополучно доехали, выздоровели.

В Казани я, помню, купил газету, в ней награды нашему заводу, и многие награжденные в моем эшелоне. Я пошел по вагонам, говорю правду, а мне не верят.

— Тебя,— говорю,— Игнат Иванович, орденом Красной Звезды.

Он мне:

— Постыдился бы ты, Коля, болтать, я тебе в отцы гожусь. Откуда ты взял такие вести здесь, в дороге?

Как показал я им газеты — и радостно и грустно: награждены, а едем из дому.

Прибыли мы на место назначения, начались проблемы с расселением эвакуированных. Хорошо, что еще мои собственные женщины ловкие были, сами без меня устраивались. Я их первые месяцы знать не знал. Расселял людей куда придется — по квартирам, это еще хорошо, а то в здания школы, клуба. Во времянки. Сразу же начали строительство бараков.

Вчера приходил молодой человек, пишет книгу про танкостроителей, многие сейчас эту книгу пишут. Допытывался, кто что в нашем «подкидыше» сделал и какова роль Векшина, моя роль, Андрюшина и чья больше. Это, дочка, только в мирное время с такими дурацкими вопросами можно приставать. Я ему, конечно, рассказал, как осуществлял связь КБ с производством. У меня к этой работе особое призвание обнаружилось, я как будто на крыльях летал, и знаешь, почему: ощущал сам, что лучше всех это сделать могу я.

Чувство незаменимости.

Это очень, очень, очень важное чувство. Запомни—может внуку пригодиться. Да, так я закончу про эвакуацию. Расселил я народ с надеждой на будущее — и за основное дело. А дела невпроворот, и сколько ни делаешь — работы не видно. Нужно было ликвидировать вагонное производство, заменить его танковым, срочно построить три цеха, а надвигалась зима, мы только стены возвели — снег. Несколько дней станки без крыши работали, под открытым небом. Многих материалов не хватало, искали заменители. Нужно было срочно размножить чертежи «подкидыша» и разослать их на другие заводы, где тоже должна была начаться работа над выпуском танка. Война шла, Гитлер наступал, а машины не было. Это жгло меня, всех нас жгло, мучило, гнало...

На этом речь оборвалась. Пленка долго шипела. Инна Николаевна не решалась выключить механизм, словно ожидая, что голос еще возникнет и скажет что-нибудь очень важное, нужное, необходимое.

Она как-то не могла осознать, что самое важное он уже сказал не словами, а всей своей жизнью, и вряд ли слова могли бы что-то добавить или прояснить.

Почему он не записал ничего больше?

Почему не рассказал ей о своей и холодовской борьбе за нового «подкидыша»? О новой победе?

Может быть, снова проходить по той же дороге ему было не так интересно...

Его звездный час остался там, в тридцатых и сороковых. Он воплотился в машину, которой не было равных.

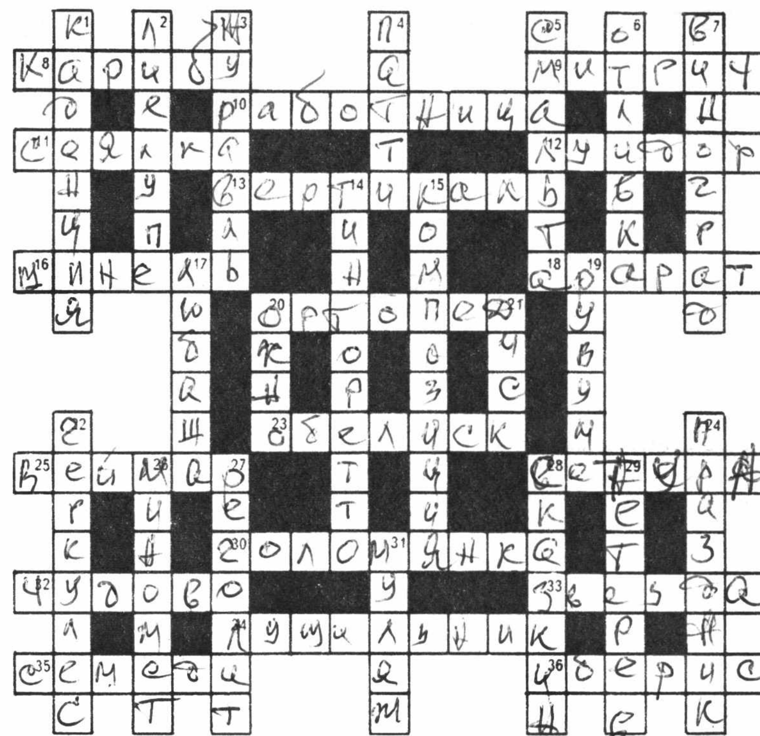
СТРАНА, ПОЗДРАВЛЯЕМ ТЕБЯ С ЮБИЛЕЕМ

Стихи
Сергея **БЕНКЕ**

Музыка
Бориса **АЛЕКСАНДРОВА**

Советской державы
Великие даты —
В них поступь истории
Нашей страны.
И дружбой республик
Гордятся солдаты,
И дружбой народов
Солдаты сильны.

Страна, поздравляем
Тебя с юбилеем.
Солдаты хранят
Твой священный покой.
Ты стала красивей,
Ты стала сильнее.
Заря коммунизма
Встает над тобой.

КРОССВОРД

По горизонтали: 8. Северный дикий олень. 9. Действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 10. Советский журнал для женщин. 11. Машина для внесения в почву семян и удобрений. 12. Старинная французская золотая монета. 13. Отвесная линия. 15. Повесть Н. В. Гоголя. 16. Потухший вулкан в Армении. 20. Врач. 23. Мемориальное сооружение в виде граненого столба. 25. Город в ГДР. 28. Планета Солнечной системы. 30. Рыба, обитающая только в Байкале. 32. Город в Новгородской области. 33. Далекое небесное светило. 34. Сельскохозяйственное орудие для предпосевной обработки почвы. 35. Венгерский поэт, революционный демократ. 36. Южная декоративная трава.

По вертикали: 1. Мелодический оборот, завершающий музыкальное произведение. 2. Река в Латвии. 3. Крупная перелетная птица. 4. Популярная итальянская оперная певица. 5. Цветное стекло для изготовления мозаик. 6. Заготовка из расплавленного металла. 7. Вьющееся ягодное растение. 14. Живописец венецианской школы Позднего Возрождения. 15. Сочинение музыкальных произведений. 17. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 19. Река в Восточной Африке. 20. Стихотворение А. С. Пушкина. 21. Снаряд для метания в легкой атлетике. 22. Северное созвездие. 24. День торжества в честь выдающегося события. 26. Гладкоствольное орудие для навесной стрельбы. 27. Лунный грунт. 28. Историк, академик, Герой Социалистического Труда. 29. Крупная лесная птица. 31. Слепок, модель, наглядное пособие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 3. Атбасар. 6. Лихтер. 7. Аккорд. 8. «Трактирщица». 10. Свод. 11. Кассета. 15. Лена. 17. Балакирев. 18. Вселенная. 19. Винт. 21. Альпака. 23. Цена. 25. «Неизвестная». 28. Синица. 29. Стадия. 30. Реферат.

По вертикали: 1. Нарцисс. 2. Вихров. 3. Арфа. 4. Рави. 5. Тритон. 8. Таджикистан. 9. Аллитерация. 10. Саратов. 11. Коврига. 12. Словарь. 13. Ежевика. 14. Алгебра. 16. «Ариадна». 20. Италия. 22. Плещеев. 24. Ниобий. 26. Изар. 27. Наст.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ — композиция художника Е. Казакова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 6.12.82. Подписано к печати 22.12.82. А 00444. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2998. Заказ № 3447.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«Страж мира». **Рисунок КУКРЫНИКСЫ**

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663